

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий м., 7. Телефоны { Редакция 1-23-99.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
" " " " полгода 6 р. — к.
Для "судработников при подписке на год 8 р. 50 к.
" " " " " на полгода. 4 р. 80 к.

№ 24

20 июня 1926 года.

№ 24

Общие начала землепользования и землеустройства *).

III.

Из всех глав проекта КЗН о землях трудового пользования проект СНК РСФСР оставил лишь главу о праве трудового землепользования, посвященную определению этого права, изложению социальных и хозяйственных условий, которые ставит государство трудовому землепользователю, и объему правомочий последнего. В статьи этой главы, повторяющие в общем основные нормы земельных кодексов союзных республик, внесены лишь редакционные изменения, на которых мы здесь останавливаться не можем. Отметим лишь одно, измененное действующее право. Совнарком РСФСР поддержал предложение проекта КЗН об отмене уголовной ответственности за отчуждение права трудового землепользования, введенной земельными кодексами союзных республик (ст. 27 Зем. Код. РСФСР, ст. 26 Зем. Код. УССР) и значительно "уже" ограниченной постановлением пленума Верховного Суда РСФСР от 24 ноября 1924 г. («Еж. Сов. Юст.» 1925 г. № 1).

Одной из самых серьезных проблем нашего земельного права является правовая формулировка национализации земли, неразрывно связанная с определением взаимоотношений Союза и союзных республик в области землепользования. Решение, данное этой проблеме в проекте КЗН, к которому присоединился и Совнарком РСФСР, нам кажется чрезвычайно удачным, намечающим новые пути к построению советского имущественного права.

В то время, как в отношении средств производства в промышленности и транспорте наше законодательство

всегда пользовалось термином «собственность государства» для выражения их революционного перехода из сферы частного господства в распоряжение советского государства, в отношении к земле и действовавшая до XII Всероссийского Съезда Советов Конституция РСФСР и декрет о социализации земли 19 февраля 1918 г. употребляли выражение «общенародное достояние». О земле, как о «достоянии» государства, говорят и Гражд. Кодексы РСФСР и УССР (ст. 21).

Постановление IX Всерос. Съезда Советов о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства употребляет для характеристики нашего земельного правопорядка выражение «государственная собственность на землю». С тех пор эта правовая формулировка национализации земли была воспринята земельными кодексами союзных республик и вошла в Конституцию РСФСР, принятую на XII Всероссийском Съезде Советов. Согласно п. 15 этой Конституции, «вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства».

Проект КЗН остановился на термине «государственная собственность». «Вся земля—гласит п. 1 ст. 1 проекта—в пределах Союза ССР составляет исключительно государственную собственность». (Редакция СНК РСФСР: «Все земли в пределах Союза ССР составляют государственную собственность» есть, в сущности, перефразировка той же мысли). Следующие моменты обращают на себя внимание в этой формулировке.

1. Вместо неопределенного, в праве не встречающегося термина «достояние» употреблено выражение «соб-

*) Окончание (см. № 23 «Е.С.Ю.»).

ственность». Помимо соображений от истории в пользу «собственности» говорит то обстоятельство, что советское государство есть государство диктатуры пролетариата, государство борьбы с капиталистическим обществом. В эту переходную эпоху борьбы с частной собственностью, требующей сосредоточения в руках государства диктаторской власти, необходимо противопоставить частным правам на землю, могущим возникнуть в процессе товарно-денежного хозяйства, ясное и точное выражение исключительной власти государства над землями, понятное для всех частных лиц. Для общества же, которое выросло на фундаменте частной собственности и в окружении которого должно работать советское государство, нет термина, столь же ясного и сильного, как выражение «собственность», для определения правового верховенства государства над землями.

2. Выражение «государственная собственность» употреблено не как синоним выражения «собственность государства». Последнее означало бы, что существует какой-то определенный институт права собственности на землю, субъектом которого является государство. «Государственная собственность» в проекте КЗП имеет другой смысл. Как и в ст. 52 Гражд. Код. РСФСР, она утверждает наличие особого правового института, особого правового режима, которому подчинена земля в Союзе ССР, именно режима государственной собственности, принципиально отличного от допускаемого еще в нашем государстве режима частной собственности.

Частные лица осваивают объект собственности для себя, для собственного интереса. Какую бы социальную функцию ни возлагало государство на частную собственность, как бы решительно оно ни возлагало, что она пользуется его признанием и защитой лишь под условием выполнения ею своего социально-хозяйственного назначения, но эта социальная функция, это социально-хозяйственное назначение будут всегда только от р а н и ч е н и я м и частной собственности, ибо за пределами этих ограничений она полностью, всеми оставшимися у нее правомочиями, всеми еще заложенными в ней возможностями служит только своему господину, данному субъекту прав. И именно поэтому социальная функция частной собственности является для нее досадным препятствием к полному проявлению своего исключительного служения частному интересу,—препятствием, которое она, несмотря на гражданскую и уголовную ответственность перед законом, стремится всячески обойти.

Другое дело—государственная собственность советского государства. Она служит только о б щ е с т в е н н о м у интересу, великому делу освобождения трудящихся, утверждению социалистического строя. Эта ее социальная функция и есть все ее содержание; из этой функции вытекают и все ее правомочия. Это — подлинно ц е л е в о е и м у щ е с т в о, правовое положение которого определяется исключительно его социальной целью. Утверждаемое законом социально-хозяйственное назначение государственной собственности не есть ее «обременение», оно составляет ее сущность, ее природу. За пределами этого назначения в государственной собственности не остается никакого содержания, никаких правомочий. Поэтому правовой режим государственной собственности советского государства принципиально иной, чем режим частной собственности, и все попытки объединить их в одном учении о социальной функции, заменяющей собою субъективные права, затушевывают, как нам кажется, и индивидуалистическую сущность частной собственности и социалистическую природу советской государственной собственности.

3. Из только что сказанного следует, что государственная собственность советского государства — б е с с у б' е к т

на, т.-е. она не нуждается в учении о субъекте прав¹⁾. Если изложением в законе ее социальной цели и порядка осуществления последней исчерпывается все содержание государственной собственности, то совершенно бессодержателен вопрос, к о м у эта собственность п р и п а д л е ж и т: Союзу ССР, союзным ли или автономным республикам, есть ли это собственность союзная или республиканская? Такой вопрос вполне уместен для частной собственности, так как за пределами установленного в законе ее социально-хозяйственного назначения остается неопределенная и принципиально безграничная сфера ее служения определенному частному интересу, частному лицу. Но в отношении к государственной собственности можно лишь ставить вопрос: как эта собственность о с у щ е с т в л я е т с я, как распределяются между Союзом, союзными и автономными республиками обязанности, связанные с выполнением определенной социальной цели. И именно на так поставленный вопрос и дают ответ первые три статьи проекта КЗП, повторенные проектом СНК РСФСР.

Указав в первой статье тот правовой режим, которому подчинена земля в Союзе ССР, проект КЗП затем устанавливает общее правило, что «государственная собственность на землю в пределах союзной республики осуществляется этой республикой на основании общих начал и законодательства республики». И в следующей статье проект приводит исключения из этого правила, перечисляя те земли, обязанность управления которыми лежит на органах Союза ССР.

Идея о бессубъектности государственной собственности и о достаточности определения ее социальной цели для характеристики всего ее правового содержания не представляет собой какого-либо теоретического измышления, чуждого советскому законодательству. Она лежит в основании, напр., одного из самых принципиальных законов о государственных имуществах, положения об имуществах местных советов от 12 ноября 1923 г., принятого 3 сессией ЦИК'а Союза ССР I созыва («С. У.» 1923 г. № 113, ст. 1046). Согласно ст. 1 этого положения, все государственные имущества, находящиеся на территории местных советов, составляют местные имущества, поскольку эти имущества не находятся в ведении центральных органов Союза ССР и союзных республик и не вошли в состав предприятий общегосударственного значения. В этом постановлении ясно подчеркнут принцип правового е д и н с т в а государственных имуществ, находящихся на территории всего Союза ССР и лишь распределяемых в целях соответствующего управления ими между местными советами и центральными органами,—единства не по субъекту права, а по их социальной цели. Точно также вопрос о субъекте государственной собственности не становится и в земельных кодексах союзных республик и Конституции РСФСР 1925 г., когда они постановляют, что земля является «собственностью рабоче-крестьянского государства». В этом выражении ясно чувствуется отвлечение от указания на данное государство, на РСФСР или на какую-либо другую союзную республику, как на субъекта государственной собственности, и определенно подчеркивается с о ц и

¹⁾ Мы обсуждаем здесь вопрос о государственной собственности на землю, и все наши рассуждения могут быть полностью отнесены лишь к основному государственному имуществу, к тому неотчуждаемому, изъятному из оборота имуществу, которое служит экономической базой советского государства (ст.ст. 21 и 22 Гр. Код., ст. 15 Конституции РСФСР 1925 г.). В отношении оборотного государственного имущества в указанные в тексте положения необходимо внести ряд поправок, которых мы здесь касаться не можем.

альной содержание этой собственности, как вполне достаточный комплекс ее существенных правовых признаков.

4. Против предложенной проектом КЗП конструкции государственной собственности на землю, по нашему мнению, правильно проникающей в самую сущность института государственной собственности советского государства, выдвигаются два возражения: а) положение о том, что «вся земля в пределах Союза ССР составляет государственную собственность» есть объявление всей земли собственностью Союза ССР, что противоречит ст. 6 Союзной Конституции, согласно которой территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия, и б) что по совокупному смыслу ст. 6 и ст. 4 Конституции Союза все земли в пределах каждой союзной республики являются собственностью этой республики, так как в противном случае превращается в пустой звук предоставленное Конституцией право свободного выхода из Союза.

Эти возражения, как ясно из вышеизложенного, основаны на сплошном недоразумении, на ошибочном распространении основных элементов института частной собственности на институт государственной собственности. Только при таком распространении можно ставить вопрос о том, чьею собственностью является земля—Союза или союзных республик, и пытаться находить в формулировке проекта ответ на этот вопрос в пользу Союза. Как мы уже указывали, проект КЗП, повторенный в этом отношении проектом СНК РСФСР, такого вопроса и не ставит. Проблема перенесена им в иную плоскость, он ставит иной вопрос: как распределяются между Союзом и союзными республиками обязанности по осуществлению государственной собственности на землю, т.-е. по превращению этой собственности в один из могучих рычагов социалистического преобразования деревни. И отвечает в полном согласии с Конституцией Союза: эти обязанности, изложенные в общих началах и развитые на основании этих начал в законодательстве союзных республик, выполняются по общему правилу самими республиками, за некоторыми исключениями (земли, необходимые общесоюзным учреждениям и предприятиям и для концессий, и общесоюзный переселенческий фонд), когда эти обязанности лежат на органах Союза. И этот ответ, как мы указывали, делает совершенно излишним и бессодержательным вопрос о том, является ли земля собственностью союзной или республиканской. Ибо вопрос о субъективных правах на землю Союза или союзных республик не может быть поставлен по отношению к государственной собственности советского государства, если только мы не хотим извратить ее социалистическую сущность.

Но как же быть в таком случае с провозглашенным Конституцией правом союзной республики на свободный выход из Союза? Разве при осуществлении этого права она не выходит из Союза вместе со своей территорией, со своей землей, проявляя тем самым свое право собственности на земли, находящиеся в ее пределах? До тех пор, пока дело идет о неотчуждаемом, никуда не переходящем государственном имуществе, можно, быть может, ограничиться установлением его социальной цели и способов ее осуществления, не подымая вопроса о субъекте права собственности на это имущество. Но как только какая-либо союзная республика выходит из Союза, сейчас же возникают вопросы о разделе земли и другого государственного имущества между союзными республиками и, следовательно, вопросы об их субъективных правах на это имущество.

Мы думаем, однако, что и проблема свободного выхода из Союза должна быть обсуждаема с точки зрения соци-

альной цели советской государственной собственности, что только что приведенные соображения о ее разделе являются простым распространением на институт выхода из Союза правового режима частной собственности, ее раздела между собственниками. Наш Союз не есть просто союз государств, различных по своей социальной природе, но объединенных территориальной смежностью. Как гласит Конституция, наш Союз есть Союз советских и социалистических республик, и этот их общественный строй составляет предпосылку и вступления в Союз, и пребывания в нем, и самого его существования. Так, напр., как мы указывали выше, общие начала землепользования и землеустройства строятся, как основные принципы сельскохозяйственной жизни союзных республик, общие всем им, как республикам советским и социалистическим.

IV.

При перечислении правовых последствий национализации земли проект КЗП указал в ст. 1 лишь два из них,—недопущение частной собственности на землю и разрешение владения землей только на праве пользования, исключив один существенный признак государственной собственности на землю—изъятие земли из гражданского оборота. Проект СНК РСФСР дополнил в этом отношении проект КЗП.

Можно ли утверждать, что принцип государственной собственности на землю еще не означает того, что земля изъята из гражданского оборота? Мы думаем, что этого утверждать нельзя. Держащиеся противоположного мнения обычно смешивают, в качестве объекта сделки, землю, как таковую, как вещь, и право пользования землей. Если участок земли, являясь государственным имуществом, не может быть объектом сделки, в основании которой лежит передача права собственности (напр., купли-продажи, дарения, залога), то это не относится к созданию новой экономической политикой праву пользования землей. Государственная собственность на землю принципиально не противоречит возможности гражданского оборота производных от этой собственности вещных прав пользования. Так, введенное гражданскими кодексами союзных республик право застройки есть переходящее по последствию, отчуждаемое и подлежащее залогоу вещное право на землю, субъектом которого могут быть и частные лица. Заключение разрешенных законом арендных договоров на землю есть также вид частного земельного оборота. Но все эти сделки являются договорами о передаче прав пользования землей, но не о переходе права собственности на нее, каковой переход законом категорически воспрещен, что должно быть указано в общих началах, как одно из важнейших последствий государственной собственности на землю.

Есть, однако, еще одна особенность правового положения земли в советском государстве, которая находит свое выражение в положении: «земля изъята из гражданского оборота». Земля в нашем государстве стоит вне рынка и рыночных отношений, она поэтому не имеет рыночной ценности. Всякое другое основное государственное имущество, перечисленное, напр., в ст. 22 Гражд. Код. РСФСР, будучи изъятим из частного оборота, имеет, однако, определенную денежную оценку, изменяющуюся вместе с ростом производительных сил, связи с рыночными отношениями и другими факторами. Имущество это может поэтому переходить в государственном обороте, т.-е. в обороте между двумя, напр., трестами, и на началах возмездности по принципу

оплаты его стоимости. Но это совершенно неприложимо к земле. Она не имеет в нашем хозяйственном строе денежного выражения. Если необходимо ее как-нибудь оценить, напр., при передаче тресту, на основании его устава, то приходится прибегать к справочным довоенным ценам, записывая землю в имущество треста в качестве особой внебалансовой статьи (прим. к ст. 15 декрета, о трестах от 10 апреля 1923 г.). По той же причине при изъятии земли у трудового пользователя в порядке реквизиции для общественных нужд (напр., для проведения железной дороги) вопрос идет не о денежном ее возмещении, а об отводе земли в другом месте взамен изъятной (ст. 23 Зем. Код. РСФСР). Земля является в нашем государстве производственной базой промышленности, сельского хозяйства, жилищного строительства, распределяемой государством между пользователями соответственно их потребностям без всякого посредства рыночных отношений, она стоит вне всякого оборота, как частного, так и государственного. Мы поэтому полагаем, что формула: «земля изъята из гражданского оборота» полна глубокого социального содержания, которое должно быть отмечено в общих началах в качестве одного из существеннейших признаков советского земельного строя.

V.

Если национализация земли нашла себе в проекте КЗП правильное юридическое выражение, то созданные КЗПом права землепользования не определены в нем настолько четко, чтобы не вызывать сомнений и смещения понятий.

Государственный земельный фонд не представляет собой в правовом отношении единой сплошной массы, какою он казался в эпоху военного коммунизма. До перехода к новой экономической политике государство рассматривало себя не только как собственника земли, но и как ее непосредственного хозяйственного распорядителя (ст. 2 пол. о социал. землеустр. 14/II—1919 г.). Все держатели земли были ее временными пользователями, права землепользования которых совершенно не были урегулированы. Принципиально же, в силу закона земля могла быть в любой момент изъята от землепользователей в интересах ли ведения планового социалистического хозяйства, или земельного равенства между селениями и волостями. Законодательство поэтому не интересовалось определением прав на землю ее пользователей, формулировкой взаимоотношений между государством, как собственником земли, и другими ее пользователями. Все земельные правоотношения поглощались единым субъектом прав на землю — государством.

Новая экономическая политика характеризуется тем, что государство, сохраняя за собою собственность на землю, отказалось, однако, от плана непосредственного хозяйственного освоения всего земельного фонда. Оно создало «всерьез и надолго» новых субъектов прав на землю, которым оно передало, за которыми «закрепило» отдельные участки этого фонда, предоставив им право их хозяйственной эксплуатации на определенных условиях и под своим контролем. Так создались новые вещные права пользования землями, а единый государственный земельный фонд, сохраняя единство общего заведывания им государством, раздробился на отдельные разряды земель по субъектам и целям землепользования. Земельные кодексы союзных республик различают три таких разряда: а) земли трудового пользования, б) городские земли и в) земли специального назначения. Земли, остающиеся в земельном фонде после выделения из него госу-

дарством указанных разрядов земель, находятся в полном хозяйственном распоряжении государства, как находясь в его распоряжении в эпоху военного коммунизма весь земельный фонд, и носят техническое название государственных земельных имуществ.

Права землепользования, на которых владеют землями трудовые землепользователи, города и государственные учреждения и предприятия (земли специального назначения), имеют столь существенные общие признаки, что земельное законодательство (ст.ст. 4, 5, 155 и др. Зем. Код. РСФСР) рассматривает их как виды одного права землепользования, права непосредственного пользования землей. Последнее есть бессрочное и безвозмездное право пользования землей, предоставляемое в силу закона или публично-правового акта отвода для выполнения определенной хозяйственной, административной или иной задачи. Но, кроме права непосредственного пользования землей, землепользование возможно и на арендном праве, т.-е. основанном на договоре, а не законе, срочном и безмездном. По декрету от 23 августа 1923 г. на арендном праве эксплуатируются государством по общему правилу государственные земельные имущества. Возможны и частые случаи, когда одни и те же лица и учреждения пользуются одними землями на праве непосредственного пользования, а другими — на срочном и возмездном договорном праве¹⁾.

Проект КЗП почему-то отверг термин: «право непосредственного пользования землей», не дал нового названия этому вещному праву землепользования, пользуясь одним и тем же словом «пользование» для обозначения обоих видов прав: срочного и возмездного договорного права и бессрочного безвозмездного, возникающего в силу закона права пользования (ст.ст. 4 и 58 проекта КЗП). Вследствие этого создалась большая путаница понятий. Так, напр., определяя права на земли государственных учреждений и предприятий в том случае, когда они их получают, как земли специального назначения (т.-е. на праве непосредственного пользования), проект КЗП специально оговаривает, что арендная плата за эти земли не взимается. В отношении же земель трудового пользования этой оговорки не сделано. А так как понятие непосредственного пользования землей проектом отвергнуто, и к трудовым землям применяется тот же термин «пользование», которым характеризуется договорное использование государственных земельных имуществ, то трудно на основании проекта бороться против вывода, что государство вправе взимать арендную плату за земли, закрепленные за крестьянством в результате великой аграрной революции. Так становится сомнительным один из основных принципов нашего земельного правапорядка.

Проект Совнаркома РСФСР ввел понятие непосредственного пользования землей, внося необходимые поправки в проект КЗП.

VI.

Проблема землеустройства чрезвычайно скато изложена в проекте КЗП, раздел которого, посвященный землеустройству, еще более сокращен комиссией СНК РСФСР. Все содержание раздела ограничивается устарелым определением землеустройства, заимствованным из ст. 165 Зем. Код. РСФСР, да установлением правила, что землеустроительные действия могут производиться лишь органами публичной власти, именно органами наркомземов

¹⁾ Подробнее см. Д. С. Розенблюм: «Земельное право РСФСР», стр. 110—115, ГИЗ, 1925 г.

союзных республик. Содержавшийся в проекте КЗП принцип замены и зачета угодий по их сравнительной оценке, являющийся предпосылкой всякого землеустройства, был исключен СНК РСФСР, как относящийся к сфере республиканского законодательства. Как будто где-либо возможно производство землеустройства без применения этого принципа, если только дело не идет о таких насильственных землеустроительных «реформах», как знаменитая система «огораживания» в Англии, или выделение дворянских земель из крестьянской чересполосицы в Мекленбурге, или наше столыпинское землеустройство.

У нас все еще распространено представление о землеустройстве, как о каких-то технических манипуляциях с землей, не имеющих принципиального значения. Между тем, одно включение общих начал землеустройства в ст. 1 Союзной Конституции должно указывать на всю значительность, которую наше государство придает землеустройству.

На определенной ступени сельско-хозяйственной эволюции наступает время, когда крестьянское хозяйство, веками прозябавшее в отсталых условиях трехпольной системы, внутренней чересполосицы и принудительного севооборота поземельной общины, должно реорганизоваться на основах научного земледелия. Это время давно наступило для Западной Европы. Советское государство переживает его в настоящий момент. От того, как совершится эта реорганизация традиционного земледелия, которая, в сущности, и есть задача «землеустройства», зависит очень многое в хозяйстве нашей страны. «Советское землеустройство,—писали мы в другом месте,—имеет все данные для того, чтобы назревшее преобразование традиционного земельного строя крестьянского хозяйства, которое должно определить все сельско-хозяйственное будущее страны, совершалось не только темпом, о котором не может и мечтать проникнутое «фанатизмом собственности» западно-европейское крестьянство, не только в исключительных интересах трудящихся и, в особенности, его наименее обеспеченных слоев, но и в формах, которые послужат основанием для социалистического преобразования мелкого крестьянского хозяйства»¹⁾. Мы поэтому полагаем, что установление общих начал землеустройства, требуемое п. «п» ст. 1 Союзной Конституции, заслуживает большего внимания, чем это было проявлено проектами КЗП и СНК РСФСР.

¹⁾ Д. С. Розенблюм: «Земельное право РСФСР», стр. 240, ГИЗ, 1925 г.

Основные принципы советского землеустройства, кроме указанных в проекте КЗП, формулированы в декрете СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. о мерах по улучшению землеустройства («С. У.» 1925 г. № 72, ст. 572) и, нам кажется, имеют общее значение, заслуживающее того, чтобы быть принятыми в качестве руководящих общих начал землеустройства по всей территории Союза ССР. Мы бы их формулировали следующим образом:

1. Права на землю участников землеустройства определяются на основании земельных кодексов союзных республик по моменту составления землеустроительного проекта (а не по фактическому землепользованию, как это устанавливало столыпинское землеустройство).

2. Малоимущим хозяйствам отводятся земельные участки не только в размере, определяемом их правами на землю, с соблюдением требований хозяйственно-технической целесообразности, но и наиболее соответствующее по качеству и местоположению их мощности и наиболее облегчающее создание из них жизнеспособных хозяйств.

3. Землеустройство имеет своей целью не только организацию земельной площади землеустраивающихся хозяйств, но и их агрономическое переустройство. Поэтому, наряду с землеустроительным проектом, составляется агрономический проект преобразования хозяйств участников землеустройства, который проходит все ступени рассмотрения землеустроительного дела, как его составная часть.

4. Землеустраиваемые хозяйства группируются таким образом, чтобы создать наиболее благоприятные условия для кооперирования сельско-хозяйственного производства.

Эти начала советского землеустройства, совершенно неизвестные буржуазному землеустройству, направленные на защиту бедняцких слоев деревни и смело ставящие проблему кардинального преобразования отсталого крестьянского хозяйства, должны быть, по нашему мнению, признаны общими началами землеустройства, обязательными для союзных республик, как республик советских и социалистических.

Мы поместили выше лишь основные проблемы земельного законодательства, которые ставят проекты КЗП и СНК РСФСР об общих началах землепользования и землеустройства. Надо надеяться, что наша юридическая литература откликнется на решения этих проблем, данные проектами. Поставленные вопросы для этого слишком значительны.

Д. Розенблюм.

315 ст. Гр. Пр. Кодекса и государственные тресты.

В практике государственных промышленных предприятий (трестов) встречаются случаи, когда при обращении взысканий на имущество своих неисправных должников таковые взыскания обращаются на принадлежащие должникам-частным лицам дома и при несостоявшихся торгах и реализации строений должников в денежной форме трестам в целях отражения своих интересов приходится согласно ст. 315 Гр. Пр. Кодекса оставлять эти строения за собою. При этом в дальнейшем возникает ряд затруднений: нотариусы отказываются совершать сделки о продаже этих строений; тресты вынуждены эксплуатировать строения не в соответствии с своими уставными задачами и т. п. В связи с этим возникает ряд вопросов, не имеющих прямого ответа в законодательстве, для разрешения которых неизбежно приходится обращаться к толкованию законов.

Основными вопросами указанного рода являются:

1. Имеют ли право тресты оставлять за собой строения в порядке 315 ст. Гр. Пр. Кодекса без предварительного разрешения ВСНХ?

2. Относятся ли эти оставленные трестами за собой строения к составу основного или оборотного капитала трестов?

3. Вправе ли тресты отчуждать эти строения и если вправе, то требуется ли для каждого отчуждения разрешение ВСНХ?

Попытаемся найти путь к разрешению этих вопросов.

1. Государственные тресты действуют на началах коммерческого расчета (1 ст. закона 10 апреля 1923 г.), выступают в обороте, как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица (2 ст. закона 10 апреля 1923 г.) и производят свои операции на общем основании гражданских законов, с изъятиями, устанавливаемыми особыми законами (ст. 6 закона 10 апреля 1923 г.).

Ст. 28 п. «а» закона 10/IV—23 г. о трестах, относя вопрос о приобретении строений к неперемennomу ведению ВСНХ, устанавливает общее ограничение права трестов приобретать строения обязанностью испрашивать предварительное разрешение ВСНХ. Это ограничение, как и весь закон 10/IV—23 г., содержит в себе правила, определяющие нормальную деятельность треста, как государственного производственного предприятия, направленную к осуществлению производственных функций. Статья же 315 Гр. Пр. Код., являясь специальной нормой, установленной в интересах взыскателей, должна быть рассматриваемая в связи с специальными целями, которым она служит, и на правовые отношения, ею регулируемые, не могут быть распространяемы положения общих правовых норм. Оставление за собою имущества в виду несостоявшихся торгов имеет целью исключительно предоставить взыскателю удовлетворение его долговых требований из этого имущества. Трест, оставляя имущество за собой, побуждается к этому исключительно коммерческими интересами, не связанными с производственной деятельностью. Поэтому действия правления, которое должно проявлять предусмотрительность заботливого хозяина (ст. 31 закона 10/IV—23 г. и ст. 20 типового устава треста, утвержденного СТО), в случае оставления им за собою строения должника, за неполучением при несостоявшихся торгах денежного эквивалента стоимости строения, к получению которого были направлены все действия его по судебному

иску, можно понимать только как оперативные действия, имеющие целью внесудебную реализацию строения для удовлетворения своих прав требования; а если это так, то и по силе ст. 29 закона 10/IV—23 г., а также и в виду краткости трехдневного срока, предоставляемого 315 ст. Гр. Пр. Код., следует признать, что данный частный случай не может подлежать действию общей нормы, содержащейся в п. «а» ст. 28 закона 10/IV—23 г., и, следовательно тресты могут на основании ст. 315 Гр. Пр. Код. оставлять за собою непроданные на торгах строения или дома своих должников и не испрашивая предварительного разрешения ВСНХ.

Противоположное разрешение вопроса ставило бы государственные тресты в случаях, предусмотренных 315 ст. Гр. Пр. Код., в худшее положение не только по сравнению с другими юридическими лицами (государственными или кооперативными), но даже и по сравнению с частными лицами, и создавало бы чисто формальное затруднение для защиты имущественных интересов государственных предприятий действующими законами, при чем эти формальные затруднения вряд ли могли бы быть с достаточной убедительностью обоснованы существом дела. Ст. 28 закона о трестах определяет ряд вопросов, отнесенных к ведомственной компетенции ВСНХ и являющихся вопросами административного или общерегулятивного порядка. П. «а» этой ст. 28 стоит несколько особняком от остальных ее пунктов, так как соприкасается с областью оперативной деятельности треста; из примечания к п. «а» ст. 28 видно, что законодатель, создавая нормы п. «а» ст. 28, уже при самом издании закона предвидел, что жесткое применение п. «а» ст. 28 может создать ряд затруднений, не вызываемых необходимостью, и допускал возможность для ВСНХ освобождать в отдельных случаях правления трестов от предварительного получения разрешения ВСНХ.

Основная цель п. «а» ст. 28—это ведомственный надзор за целесообразностью и соответствием общим государственным планам расходования средств треста, хотя и в связи с производством, но не прямо на производство (напр., на приобретение строений, расширение предприятий треста и т. п.).

В данном же случае, осуществляя свои права взыскателя согласно 315 ст. Гр. Пр. Кодекса, трест никаких новых затрат не производит, а лишь стремится обеспечить обратное получение средств, уже затраченных ранее, в порядке закономерной оперативной деятельности треста. Таким образом, и по существу дела надо прийти к выводу, что осуществление прав треста, предоставляемых ему 315 ст. Гр. Пр. Код., не может стоять в противоречии с п. «а» ст. 28 закона о трестах.

II. Разрешая положительно вопрос о правоспособности государственных трестов в отношении 315 ст. Гр. Пр. Код., обратимся к рассмотрению второго из поставленных вопросов.

Оставленное в порядке 315 ст. Гр. Пр. Код. за трестом строение, бывшее объектом гражданского оборота, поступает в распоряжение треста не тем порядком, каким могут быть передаваемы ему национализированные имущества, а самый переход частного имущества на право собственности к тресту, еще не может служить основанием к изъятию его из гражданского оборота. Ст. 16 закона

10/IV—23 г., устанавливая понятие основного и оборотного капиталов треста, исходит из производственной функции того или другого имущества, относя к основному капиталу те имущества, которые не потребляются целиком в одном производственном акте. Строение же, случайно вместо своего денежного эквивалента поступившее в распоряжение треста, ни в какой связи с его производством не находится и имеет лишь единственное назначение—служить источником восстановления кассового баланса треста, нарушенного неисправностью должника. Ст. 22 Гр. Кодекса запрещает отчуждение национализированных предприятий или их оборудования и национализированных строений. Но строение, о котором идет речь, не является ни частью предприятия треста, ни национализированным, так как применение 315 ст. Гр. Пр. Кодекса не может повлечь за собой титула национализации, устанавливаемой всегда в интересе государственном, а 315 ст. удовлетворяет интересы частные.

А поскольку это строение не участвует в производстве и назначено служить исключительно кассовым интересам треста, оно, как заменяющее деньги и по назначению своему имеющее быть в одном акте отчуждения превращенным в деньги, не может быть отнесено к составу основного капитала треста и, следовательно, должно войти в его оборотный капитал. Правильность такого положения подтверждается тем, что если бы торги состоялись и за строения были выручены деньги, то не

возникло бы и сомнения в том, что эти деньги следует отнести к составу оборотного, а не основного капитала.

III. Как вывод из того, что строение, оставленное за трестом в порядке 315 ст. Гр. Пр. Код., следует отнести к составу оборотного капитала и нельзя считать строением национализированным, мы можем разрешить и последний вопрос, признав, что и отчуждение таких строений трестами может совершаться в порядке обычных оперативных действий (ст. 29 и п. «г» ст. 35 закона о трестах 10/IV—23 г.) без установленного п. «а» ст. 28 того же закона разрешения ВСНХ.

Такое же разрешение этого вопроса мы находим и в содержании п.п. «б» и «в» ст. 37 предварительной редакции проекта общесоюзного декрета о трестах, разработанного специальной комиссией при Главном Экономическом Управлении ВСНХ СССР (см. «Торг.-Пром. Газ.» от 12 мая 1923 г. № 106).

Согласно п. «б» ст. 37 этого проекта трестам в порядке текущей операционной работы предположено предоставить право: «оставлять за собой товары и имущество должников в порядке как принудительного взыскания долгов, так и мирового соглашения», а согласно п. «в» «отчуждать товары и имущества (в частности, строения), указанные в предыдущих пунктах сей статьи»... т.-е. и те, которые были оставлены трестом за собой в порядке 315 ст. Гр. Пр. Код., согласно п. «б» ст. 37 проекта закона.

В. Киснемский.

Прекращение акционерных обществ (паевых товариществ).

Ст. 364 Гражд. Код. РСФСР дает исчерпывающий перечень случаев, в которых прекращается деятельность акционерных обществ: «Акционерное о-во прекращается: а) за истечением срока, на который оно учреждено, б) по постановлению общего собрания акционеров о прекращении его деятельности или о слиянии о-ва с другим акционерным о-вом, в) с объявлением о-ва по суду несостоятельным, г) по постановлению правительства в случае уклонения о-ва от указанной в уставе цели, а равно в случае уклонения его органов в сторону, противную интересам государства». Из содержания статьи видно, что акционерное о-во может прекратиться только при наступлении одного из обстоятельств, в ней перечисленных; след., иных оснований для прекращения деятельности акционерного о-ва советское законодательство не знает.

Однако, могут быть положения, при которых возникает вопрос о возможности дальнейшего существования акц. о-ва, хотя нет ни одного из тех оснований, которые приведены в ст. 364: приобретение акций (паев) одним лицом создает такое положение, когда по ст. 364 нет оснований для прекращения акционерного об-ва, но в то же время дальнейшее существование его становится несогласным с общим смыслом акционерного законодательства.

Самое название — акционерное общество, паевое товарищество — указывает на участие не одного, а нескольких и даже многих лиц. В самой начальной стадии возникновения такого товарищества требуется наличие 5 учредителей (ст. 324); в дальнейшем число участников может увеличиться, но не уменьшиться, так как акции распределяются между учредителями и приглашенными ими лицами (ст. 326); следовательно, к 5 учредителям может

прибавиться еще некоторое количество акционеров; судя по тому, что учредители могут распределить 90% всего числа акций среди приглашенных ими лиц, число акционеров может быть и весьма значительно, но минимально их вместе с учредителями должно быть 5 лиц. По истечении двух лет деятельности общества и после утверждения отчета за второй операционный год учредители могут отчуждить принадлежащие им акции, но отсюда не следует, что общество может функционировать при наличии одного акционера; высшим органом—распорядителем судьбы общества—является общее собрание акционеров и хотя в законе нет указаний на минимальное число лиц, при котором общее собрание может считаться состоявшимся, но самый термин «собрание» предполагает наличие более, чем одного лица. Кроме того, в законе имеется прямое указание на необходимость наличия не менее трех акционеров. Если правление общества, состоящее минимально из 4 человек (3 члена правления и 1 кандидат), может быть избрано как из числа акционеров, так и из посторонних лиц (ст. 354), то ревизионная комиссия избирается непременно из числа акционеров, а так как эта комиссия состоит не менее, чем из трех акционеров (ст. 360), то, очевидно, при отсутствии такого минимального числа акционеров не может составиться ревизионная комиссия, а при отсутствии одного из своих органов (ст. 348) акционерное общество (паевое товарищество) существовать не может.

В капиталистических государствах подобные случаи разрешаются иначе. Почти в каждом акционерном обществе хозяином является капиталист, владеющий «пакетом» акций, т.-е. таким количеством акций, которые позволяют ему на общих собраниях проводить свои решения;

для этого перед общим собранием он наделает акциями «своих» людей, которые выступают на общем собрании в качестве акционеров и проводят те решения, которые им предписаны действительным собственником акций; такому выступлению подставных акционеров весьма помогает то обстоятельство, что в капиталистических государствах акции по общему правилу не именные, а предъявительские. Конечно, после общего собрания все акции возвращаются их действительному владельцу.

То, что проделывается при обладании большинством акций, может быть проделано и при сосредоточении всех акций в руках одного лица; в день общего собрания (или за несколько дней или недель до общего собрания, если таково требование закона) явится какое угодно число акционеров, затем будет проделана инсценировка общего собрания, в правление и ревизионную комиссию будут избраны в нужном числе акционеры, которые вместе с остальными участниками общего собрания по окончании представления возвратят собственнику его акции; фактически обладателем всех акций останется одно лицо, но формально все обстоит благополучно, и факт акционерного единичия остается неустановленным.

Уже одно то, что здесь применяется обход закона, делает такой выход из положения недопустимым по советскому законодательству; последнее затрудняет и самую возможность такого обхода предписаний закона, устанавливая, как общее правило, именные акции и лишь в виде исключения допуская предъявительские.

Итак, переход всех акций к одному лицу создает положение, несогласное с основными началами организаций акционерных обществ и паевых товариществ; нормальная деятельность акционерного общества и паевого товарищества становится невозможной, а поэтому оно, как таковое, должно прекратиться, а его хозяйственная деятельность должна принять другую форму.

Отсутствие в ст. 364 указанного основания для прекращения акционерного общества составляет пробел, подлежащий восполнению в законодательном порядке. Но для восполнения этого пробела недостаточно прибавить соответствующий пункт в ст. 364, а надо еще указать на способ прекращения деятельности акционерного общества по этому основанию, так как способ, предусмотренный ст. 365, в указанных случаях неприменим.

Ст. 365 устанавливается один способ прекращения акционерных обществ (паевых товариществ) — назначение ликвидационной комиссии, задачи которой состоят в ликвидации всех дел акционерного общества и в том числе предприятия или предприятий, принадлежащих ликвидируемому обществу, т.-е. всей его хозяйственной деятельности. Во избежание недоразумений нужно различать акционерное общество, как собственника предприятия, промышленного, торгового или торгово-промышленного, и самое предприятие, как объект права. Ликвидационная комиссия имеет целью, прежде всего, удовлетворить всех кредиторов, погасить все претензии к ликвидируемому обществу, а затем, по выполнении первой задачи, распределить все остатки имущества между акционерами или пайщиками; понятно, для проведения этих задач, для удовлетворения интересов значительного числа лиц, интересов, часто противоречащих один другим и требующих примирения в порядке судебного решения, нужна особая

ликвидационная комиссия, так как необходимо превращение всей имущественной массы в ликвидное состояние, т.-е. в деньги, и приведение всех имущественных отношений к праву получить и обязанности уплатить определенную сумму денег.

Овоим иное положение вещей представляется в том случае, когда все акции переходят в собственность одного лица. Здесь нет надобности делить остатки имущества между пайщиками (акционерами), так как все остатки безраздельно переходят к одному: едва ли нужно в подобных случаях назначать ликвидационную комиссию, так как у нее остается одна задача — удовлетворить требования кредиторов акционерного общества (паевого товарищества), задача, которую успешно может выполнить единоличный владелец всех акций или паев; наконец, — и это самое важное — нет надобности разрушать хозяйственную деятельность акционерного общества, уничтожать предприятие, а раз в этом нет необходимости, то в силу хозяйственно-социального назначения этого предприятия нужно сделать возможным продолжение его существования и безболезненным переход от одной организационной формы (акционерного общества) к другой (единоличного владельца). Таким образом, в этих случаях нормальным должно считать не назначение ликвидационной комиссии, а распубликование и отметку в торговом реестре о прекращении акционерного общества или паевого товарищества и о вступлении во все юридические отношения, участником которых было это общество или товарищество, вместо него того лица, которое стало собственником всех акций или паев.

Однако, могут быть случаи, когда имущественное положение единоличного владельца акций внушает опасения кредиторам акционерного общества за судьбу своих претензий; может оказаться, что долги этого приобретателя акций значительно превышают его актив, и при переходе к нему актива и пассива акционерного общества кредиторы последнего будут уравнены в правах на удовлетворение с кредиторами самого приобретателя, вследствие чего первые проигрывают, а последние выигрывают. Во избежание подобных комбинаций нужно добавить, что прекращение акционерного общества (паевого товарищества) без назначения ликвидационной комиссии допускается при условии согласия на то кредиторов акционерного общества (паевого товарищества).

Возможно еще одно положение, когда следует возбудить вопрос о прекращении акционерного общества: если акционерное общество или паевое товарищество после того, как будет собран весь капитал, не осуществит того предприятия, для ведения которого оно учреждено, или же в течение своей деятельности, пользуясь благоприятной конъюнктурой, отчудит в полном составе свое предприятие и ничего не предпримет для устройства нового. Новидному, в подобных случаях должно состояться постановление общего собрания акционеров о прекращении акционерного общества (п. «б» ст. 364); но если бы акционеры не нашли нужным это сделать, то общество должно быть закрыто по постановлению правительства, вследствие уклонения его от указанной в уставе цели (п. «г» ст. 364).

Таким образом, эти случаи надо признать предусмотренными законом и не требующими особого рассмотрения.

М. Венецианов.

Авторство в кино.

В № 48—49 «Еж. Сов. Юст.» за 1925 год этому вопросу посвящает статью Б. Феллонов. Анализируя авторское право в кинематографии с точки зрения закона ЦИК СССР об основах авторского права, т. Феллонов приходит к выводу, что «самовольная киноинсценировка чужого произведения должна быть признана одним из грубейших нарушений авторского на него права и потому не может быть допущена».

Автор этого положения аргументирует исследованием кино-сценария, как литературной и драматической формы. В самом деле, по мнению т. Феллонова, «кино-сценарий не больше, чем план, схема кино-картины, скелет ее, при чем скелет этот всегда держится на чужом станом хребте» (литературном материале).

И дальше, по утверждению т. Феллонова, кино-сценарист, экранизируя литературное произведение, только «дополняет, сокращает его, говоря проще, описывает, имея в виду, что диалоги кино передать не может».

В постановке вопроса т. Феллонова экранизация чужого литературного произведения и создание из литературной формы формы кинематографической не удовлетворяет требованиям ст. 2 закона («создание нового произведения, существенно отличающегося»), и поэтому экранизации чужого литературного произведения без согласия автора являются нарушением закона об авторском праве.

Такое толкование закона об авторском праве может быть основано только на недостаточном понимании автором законов кинематографии. Утверждение т. Феллонова, что кино-сценарий не больше, чем план, схема кино-картины и притом всегда схема литературного материала, это утверждение не находит себе оправданий в технике и построении кино-сценария.

Тов. Феллонов спутал два понятия, находящихся в различных плоскостях—литературы и кинематографии. Эти два понятия очень четко различает американская кино-композиция и разделяет кинематография советская.

Вот эти два понятия: сценарий в собственном смысле слова и литературный план, замысел (синописис). Советская кинематография термин «синописис», иногда заменяет термином «либретто» экранизованного сюжета. Синописис или либретто обычно содержит от 2.500 до 5.000 слов.

Сценарий находится в плане кинематографической формы, замысел—синописис—в плане литературной формы. В этом основная грань, на которой основано дальнейшее построение.

Изготовление сценариев все больше и больше делается самостоятельной профессией, и сценарист пуждается в долгой практике, прежде, чем достигает успеха. Более того, советская кино-промышленность выдвигает сейчас и более узкую специализацию: систематизацию материалов и тем, сюжетно-сценарную разработку по жанрам, составление надписей. Сценарий, вопреки утверждению т. Феллонова,—это не схема кино-картины. Режиссерский сценарий—это разработанная до мельчайших деталей фильма с правильным временным соотношением отдельных частей, сцен и опорных пунктов, на которых различными способами (особо значительные кадры, сюжет, трюки и т. п.) останавливается внимание зрителя.

Поскольку каждая кино-картина является лишь движением отдельных кадров, отдельных фотографий, не будет преувеличением сказать, что в кино каждая секунда на счету. И это—задача не только режиссера, но и, главным образом, сценариста. Сценарий—результат кропотливой работы по построению кино-деталей. Сценарий—не литературное, а filmовое произведение. И было бы слиш-

ком наивно вслед за т. Феллоновым полагать, что сценарист, экранизируя чужое литературное произведение, «проще говоря, описывает его».

Вот поэтому американские кино-фирмы приняли решительно совершенно отказаться от покупки разработанных сценариев. Пишущие должны представлять только замыслы (синописисы), и только в том случае, если эти синописисы покупаются, фирмы отдают их на разработку специалистам-сценаристам.

По этому пути идет и советская кинематография, создавая литературные отделы при кино-организациях и покупая сюжеты-замыслы, с последующей их разработкой в самостоятельных кино-сценарии.

По отношению к сюжету, либретто кино-постановки, справедливы все упреки т. Феллонова. Действительно, кинематографическое либретто, план экранизации чужого литературного произведения есть только план, схема. Эта схема может не знать техники, производственного процесса, съемочного аппарата и помещения, что обязательно для кино-сценария в собственном смысле этого слова.

План экранизации чужого литературного произведения (синописис) ни в какой мере не может считаться имеющим свойства самостоятельного произведения, и не может охраняться законом.

Кином-сценарий, удовлетворяющий приведенным выше требованиям—фильм на бумаге,—должен считаться вполне самостоятельным произведением, существенно отличающимся от литературного произведения (в смысле ст. 2) хотя бы тем, что сценарий является формой кинематографической, сделанной исключительно для съемочного помещения (ателье) и его законов.

В этом смысле следует толковать требование закона, который охраняет только «кинематографические сценарии, имеющие свойства самостоятельных произведений». Самостоятельное произведение в кино есть filmовое произведение, режиссерский сценарий, построенный хотя бы по чужому литературному замыслу, самостоятельное произведение не столько в области сюжета, сколько промысловой формы. И закон именно эту внешнюю кинематографическую оболочку произведения делает объектом авторского права, как права на самостоятельное произведение.

В плане построения закона ЦИК об основах авторского права это совершенно допустимо. И последовательно использование чужого литературного материала для создания filmового произведения не должно считаться нарушением закона об авторском праве (ст. 4 закона).

Автор этих строк утверждает, что деление на замысел (сюжет) и сценарий, как мерило самостоятельности кинематографического сценария при экранизации чужого литературного произведения и мерило различия литературной и кинематографической формы, совершенно соответствует практике и целесообразности в кинематографии, на которой может основываться законодательный акт, и в практике применения закона не вызовет для суда затруднений.

Толкование т. Феллонова, основанное на недостаточном понимании кино-сценария, как кинематографической формы, может явиться актом, нарушающим интересы развивающегося советского кинопроизводства.

Нам пужны новые кино-сценарии, и нельзя закрывать возможностей кино-организаций запрещением экранизации литературного материала там, где литература нашла новые пути социального романа и социального сценария.

Тем более, что такое разрешение вопроса совершенно соответствует духу советского закона об авторском праве.

В. Мелик-Хаспабов.

Ростовщичество по Угол. Кодексу РСФСР.

Вопрос, который я затрагиваю в настоящей статье, еще не обсуждался на страницах «Еж. Сов. Юстиции»; а между тем, как органам прокурорского надзора, так и народным судам все чаще и чаще в условиях развивающегося гражданского оборота приходится сталкиваться с той своеобразной разновидностью имущественных преступлений, которая именуется в законе «ростовщичеством». Когда речь идет о кабальных сделках, совершаемых в деревенской обстановке, о денежных или натуральных ссудах, раздаваемых местными кулаками нуждающимся бедняцким слоям населения, тогда, конечно, не может возникнуть сомнений относительно квалификации подобных явлений и подведения их под ст. 193 Угол. Код. Но когда судебным органам приходится иметь дело с обычными договорами займа денег под обусловленный процент, то вопрос о правильной квалификации того или иного случая неизбежно должен зависеть от вполне точного и ясного представления о том, какое содержание вкладывает наше действующее право в понятие «ростовщичество», о котором говорит ст. 193 УК. Подробный анализ этой статьи тем более необходим, что редакция ее, как увидим ниже, неудачна сама по себе и вызывает большие затруднения при практическом ее применении.

Итак, что же именно понимает наш Уголовный Кодекс под «ростовщичеством»?

Из точного смысла статьи 193 УК видно, что она может быть разделена на две части, из которых каждая говорит о самостоятельных, отличных друг от друга разновидностях ростовщичества. В первой части говорится о ростовщичестве, как о «взимании в виде промысла за данные займы деньги процентов сверх дозволенных законом». Во второй же части говорится о ростовщичестве, как о «предоставлении в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду».

Таким образом, в первом случае речь идет об обыкновенном договоре денежного займа, который может превратиться в заем ростовщический при наличии следующих двух моментов: 1) отдача денег займы в виде промысла и 2) взимание процентов сверх дозволенных законом. Что касается второго случая, то он предусматривает те имущественные ссуды, которые имеют место почти исключительно в деревенском быту и которые превращаются в ссуды ростовщического характера при наличии также двух моментов: 1) взимание вознаграждения, явно превышающего обычную для данной местности норму, и 2) использование материальной нужды получающего ссуду.

Если вторая часть статьи 193 не вызывает, как я уже сказал, никаких сомнений и дает полную возможность правильного подхода к оценке каждого конкретного случая, возникающего на почве обнищания и разорения данного крестьянского хозяйства, то первая часть, говорящая вообще о договорах денежного займа, возникающих, главным образом, в городской обстановке, среди лиц, принадлежащих к одному и тому же социальному слою, вызывает на практике не мало сомнений и затруднений.

Вызывает недоумение прежде всего вопрос о том, что нужно понимать под взиманием процентов «в виде промысла». Подойдет ли под это понятие тот случай, когда рядовой обыватель, склотивший из своего заработка

100—200 рублей, отдает эти деньги «на проценты», с целью увеличить доходную часть своего месячного бюджета на 10—20 рублей? Я думаю, что если даже подобная отдача денег займы делается систематически из месяца в месяц, то тем не менее усматривать в данном случае тот «промысел», о котором говорит 193 ст. УК, не представляется возможным. «Промысел» будет иметь место лишь в том случае, если получаемые проценты являются основным источником дохода дающего деньги займы и если предназначенные для этой цели суммы будут представлять собою более или менее значительный по объему капитал. Таким образом, со стороны судебных органов должен быть индивидуальный подход в каждом отдельном случае, отнюдь не основанный на видимой систематичности взимания процентов по отданным займы денежным суммам.

Если вопрос о понятии «промысла» вызывает значительную дозу сомнений, то второй из признаков, обязательных для наличия ростовщичества, а именно, взимание процентов «сверх дозволенных законом», вызывает полное недоумение, в виду совершенной невозможности пользоваться им как критерием при разрешении вопроса о подведении того или иного конкретного случая под ст. 193 УК. Установление в названной статье этого обязательного признака с логической несомненностью заставляет предполагать, что существует предельная норма процентов, указанная самим законом, превышать которую нельзя под страхом признания сделки ростовщической. Посмотрим, какова же эта предельная норма, и установлена ли она в действительности нашим законодательством.

Если мы обратимся к Гражд. Код., то в статье 110 найдем определение понятия «узаконенных процентов». Статья 110 говорит, что если на долг должны начисляться проценты, размер коих не указан, то «таковые (узаконенные проценты) начисляются в размере 6% годовых с суммы долга». Если основываться на приведенной статье Гражд. Код., то можно считать, что 6% годовых являются именно той законной нормой, превышение которой влечет за собой признание договора займа ростовщическим. Однако, сопоставление этой статьи с другими статьями Гражд. Код., а именно ст. ст. 121 и 216, заставляет прийти к выводу о полной несостоятельности подобной точки зрения. Действительно, ст. 121 говорит, что должник, просрочивший платеж денежной суммы, обязан, во всяком случае, за время просрочки уплатить узаконенные проценты, «если договором не установлен более высокий размер процентов». Статья же 216 говорит, что «заемщик имеет право... до срока освободиться от обязательства возврата полученной суммы, если процент по займу установлен свыше 6% годовых». Из этих статей ясно видно, что сам закон признает возможность установления процентов по добровольному соглашению сторон, при чем это соглашение может быть направлено не только в сторону понижения, но и в сторону повышения узаконенной нормы. При этом наши гражданские законы не дают никаких указаний на то, до каких пределов может доходить это превышение установленной законом процентной нормы.

Кроме Гражд. Код., вопрос о процентах затрагивается и статьей 14 положения о векселях; статья эта говорит о том, что при протесте векселя с векселедателя или подписателей взыскивается неуплаченная сумма с процентами из расчета 6% годовых и пеня в размере 3% годовых.

Таким образом, в данном случае путем начисления пени происходит повышение процента с 6 до 9% годовых.

Если же мы обратимся к практике наших кредитных учреждений, то увидим, что в 1923 году эти последние по своим вкладным и учетным операциям взимали процент, превышающий предусмотренную Гр. Код. процентную норму и достигавший у обществ взаимного кредита 7% месячных, т. е. 84% годовых. В настоящее время Госбанк регулирует взимание подконтрольными ему кредитными учреждениями процентов, ограничивая размер таковых (они колеблются в пределах около 8—12% годовых), но в обществах взаимного кредита проценты достигают 2—3 в месяц, не считая комиссионных в $\frac{1}{2}$ —1%. Что же касается частного торгового оборота, то никакого регулирования в этой области нет, и взимание процентов по займам в размере 10—15% месячных представляет из себя обычное явление.

Таким образом, сам собою возникает вопрос, где же та предельная норма, превышение которой даст право признавать сделку займа ростовщической.

Ответа на этот вопрос мы не найдем в нашем действующем законодательстве. До появления на свет Гражд. Код. действовал декрет ВЦИК и СНК от 28 июня 1922 г. «о признании недействительными кабальных сделок на хлеб» («С. У.» 1922 г. № 43, ст. 515). Этот декрет запрещал частным лицам, заключающим сделки на хлеб, требовать возврата ссуды с надбавкой, превышающей более чем на 50% стоимость ссуды, а государственным и общественным учреждениям — свыше 20% стоимости ссуды. Однако, этот декрет, имевший временный характер, давно уже потерял силу, не говоря о том, что он касался специальной области отношений, а именно, сделок на хлеб, заключаемых с крестьянским населением голодающих губерний.

Все сказанное заставляет нас прийти к тому выводу, что никакой предельной нормы процентов в частном гражданском обороте законом не установлено и что, следовательно, в договорах займа, заключаемых между частными лицами, может быть по добровольному соглашению сторон установлен процент в любом размере. А если это так, то, следовательно, установленный ст. 193 УК обязательный для понятия ростовщичества признак — взимание процентов «свыше установленных законом» — сам собою отпадает, как не имеющий реального содержания и не могущий поэтому быть критерием при квалификации тех или иных выдвигаемых жизнью случаев.

Какими же соображениями должны руководствоваться наши судебно-следственные органы, разрешая вопрос о возможности применения к тому или иному случаю первой части ст. 193 УК, говорящей о простых денежных займах? Ответ, мне кажется, может быть один: должен быть индивидуальный подход в каждом отдельном случае; должно быть обращено внимание как на социальное и имущественное положение обеих договаривающихся сторон, так и на те цели, ради которых должник заключает договор займа. Так, например, если должником является лицо маломощное, занимающее деньги ради удовлетворения насущных жизненных потребностей, то в этом случае даже незначительный сравнительно месячный процент, установленный по договору, может при наличии определенных условий повлечь за собою признание сделки ростовщической со всеми последствиями, указанными в ст.ст. 33 ГК и 193 УК. Наоборот, если должником является коммерсант, берущий деньги займы ради коммерческого оборота, то в подобных случаях нет места для применения 193 ст. УК, хотя бы установленный по сделке процент превышал более чем

во сто раз узаконенные 6% годовых. В подобных случаях должник не может рассматриваться, как «потерпевшая» сторона, так как самый договор займа был совершен им с коммерческим расчетом пустить в оборот занятые деньги и получить прибыль, во всяком случае, значительно превышающую расходы по уплате процентов. Из этих двух примеров ясно видно, что только тщательное предварительное исследование всех сопутствующих заключению договора обстоятельств и точное выяснение личности сторон может предохранить судебно-следственные органы от ошибки, весьма возможных в сложной обстановке современных экономических отношений.

Мне могут возразить, что фраза, которой оканчивается описательная часть 193 статьи, а именно: «...с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду...» относится одинаково и к первой и ко второй части ст. 193, что я был неправ, относя ее только к случаям предоставления в пользование орудий производства, скота и семян, и что вследствие этого та необходимость индивидуального подхода, о которой я говорил выше, сама собой вытекает из точного смысла этой заключительной части 193 статьи.

По этому поводу я считаю нужным сказать, что точный смысл всякого закона устанавливается прежде всего путем грамматического и логического толкования его. Расстановка отдельных слов и предложений в ст. 193 приводит к заключению, что в ней предусматриваются два вида ростовщичества, при чем определение второго вида начинается со слов: «или предоставлении...» и заканчивается вместе с окончанием текста статьи. Таким образом, фраза: «...с использованием нужды...» и т. д. является составной частью второго предложения и не может поэтому быть вынесена за скобки. Кроме того, самое выражение: «...получающего ссуду» не может быть отнесено к первой части ст. 193, говорящей о договоре денежного займа, предусмотренного ст. ст. 208—219 ГК. В законе каждое слово имеет свой определенный смысл и значение. «Денежный заем» и «ссуда» — понятия не тождественные, и если законодатель в конце статьи 193 именует потерпевшую сторону лицом, «получившим ссуду», то этим он определенно подчеркивает, что последняя, заключительная фраза 193 статьи касается не договоров денежного займа, указанных в первой части 193 статьи, а тех денежных и прочих ссуд, которые в деревенском быту являются главным средством эксплуатации бедняцких слоев населения и о которых именно и говорит вторая часть 193 статьи Угол. Код.

Считая поэтому, что фраза «с использованием нужды или стесненного положения получающих ссуд» относится лишь к случаям выдачи ссуд и предоставления в пользование орудий производства и скота, я еще раз подчеркиваю, что при подведении тех или иных процентных денежных займов под понятие ростовщичества, наши судебно-следственные органы должны исходить, главным образом, из фактической обстановки каждого отдельного случая, но не из тех внешних признаков, которые указаны в первой части статьи 193 УК.

Резюмируя все сказанное выше, я прихожу к заключению, что ст. 193 УК, карающая за ростовщичество, должна подвергнуться некоторым изменениям. Изменения эти должны, по моему мнению, сводиться к следующему: 1) из первой части этой статьи должно быть исключено определение ростовщичества, как взимания процентов «сверх дозволенного законом», поскольку законодатель в настоящее время отказывается по тем или иным причинам от установления предельной процентной нормы;

2) «использование нужды и стесненного положения должника» должно входить как обязательный признак в любой из видов ростовщических сделок, к какой бы категории таковые не относились, денежного займа, ссуды и т. д.

Только при соответствующем изменении редакции

ст. 193 УК будут устранены те дефекты, которые в настоящее время делают затруднительным практическое ее применение.

И. Сенаторский.

г. Владикавказ.

Высшие Юридические Курсы в 1925—26 году.

В мае месяце текущего года Высшие Юридические Курсы дали новый кадр высшего руководящего состава советской юстиции. Кадр этот предназначен для судебной работы на территории, превышающей РСФСР. Это уже второй выпуск красных юристов, в большинстве своем не прошедших предварительно никакой школы, кроме школы практического работника нарсуда.

Чрезвычайно важно подвести итоги почти полуторогодовой педагогической работы над людским материалом, в большинстве своем не имеющим среднего образования. Правда, слушатели ВЮК в подавляющем большинстве своем по социальному составу рабочие и крестьяне, однако, то обстоятельство, что все они за небольшим исключением имели практический судебный, партийный и общественный стаж, благоприятствовало успешному прохождению курса в сравнительно короткий срок.

Если от окончившего университет требуется квалификация низового судебного работника, то к окончившему ВЮК предъявляется умение руководить судебной работой губернского масштаба. На подбор курсантов в отношении партийности, социального состава и стажа отборочной приемной комиссией было обращено должное внимание. Среди зачисленных на ВЮК 73 человек членов ВКП — 66, 2 кандидата и 2 члена ВЛКСМ и 3 беспартийных, из последних 2 женщины. Таким образом, партийных до 95%. Среди них служащих до 30%, остальная масса — рабочие и крестьяне (рабочих до 40% и крестьян до 30%). До 70% курсантов вышли из толщи народных масс. Разумеется и остальные 30% — не просто служащие, оторванные от масс, а по большей своей части народные судьи, низовые судебные работники, в своей повседневной работе связанные с бытом рабочих и крестьян. В отношении национального состава слушатели ВЮК также представляют интерес: русских 41, нац. меньшинства Востока были представлены 22 человеками и Запада — 9. До 78% слушателей имели стаж судебной работы от 2 до 6 лет и без стажа только 6 человек. Председателей губсудов и губпрокуроров было принято 6 человек, членов губсудов 23 человека, зам. председ. губсуда и зам. губпрокурора — 8, нарсудей — 15, следователей и пом. прокурора — 10; остальные работали на технической судебной или административной работе. В отношении образовательного ценза — до 50 человек с низшим образованием. Правда, принятые на ВЮК оказались не малограмотными людьми, ибо в силу самого характера судебной работы подбор на местах выделял из рабочих и крестьян более развитых и грамотных товарищей. Длительность же этой работы еще более повысила культурный уровень поступающих на курсы.

Вот те краткие и суммарные сведения, которые дают политический и культурный облик состава ВЮК. Посмотрим теперь насколько оправдали себя ВЮК и насколько они достигли поставленной задачи дать Советской власти, и в частности Наркомюсту, руководителей судебной рабо-

ты на местах. ВЮК — учебное заведение новое, существующее лишь с 1923 года, не имело ни того опыта, ни тех средств, которые имеются в университете. Поэтому в организации этой школы первоначально были шероховатости как в области организационной, так и в области академической. Общие болезни школы были присущи и ВЮК. Организационную сторону удалось окончательно наладить с 1925 года. С академической стороны обстояло значительно труднее. Учебный план был рассчитан предварительно на неполный один год (9 месяцев). В этот короткий промежуток времени необходимо было проработать до 14 правовых дисциплин. Как показал опыт первого созыва курсов, это была невыполнимая задача. Главпрофобр по соглашению с Наркомюстом продлил срок обучения до 1½ лет. Это в известной мере облегчило задачу.

Основные дисциплины, как-то: уголовное право, гражданское право, политэкономия, исторический материализм, трудовое и земельное право были основательно проработаны в семинариях. Все внимание было обращено не столько на чтение лекций, сколько на коллективную проработку в кружках прочитанного, где преподаватели требовали не только знания курса, но и умения свободно ориентироваться в прорабатываемой отрасли права, умения точно формулировать ответы, давать обоснованные решения поставленных перед слушателями казусов.

Эта сторона преподавания, вернее метод преподавания, особенно удался потому, что основной кадр профессоров и преподавателей ВЮК руководит в то же время практической работой в НКЮ, Верхсуде и Моск. губсуде. Слушатели на семинариях усваивали не только голые теоретические сведения из правовой дисциплины, но в то же время изо дня в день учились практической работе.

ВЮК выпустил на этот раз до 80% цивилистов и только 20% криминалистов, при чем большинство цивилистов хорошо подготовлены и в области уголовного права. Большим достижением этого выпуска является и то обстоятельство, что по главным предметам были произведены зачеты, т.-е. индивидуальная оценка знаний.

Учет прошлого опыта подсказывает, что для более совершенной постановки работы ВЮК в будущем и достижения лучших результатов необходимо:

- 1) продолжительность срока обучения довести в предстоящем учебном периоде до 2 лет;
- 2) распределить соответственно этому учебный план и разработать на весь этот период программы;
- 3) окончательно перейти к семинарскому методу преподавания, оставив за лекциями лишь общую задачу ввести в курс предмета, заинтересовывать, приучать слушателей к научному изложению предмета;
- 4) повысить общие образовательные требования при новом приеме;
- 5) ввести индивидуальную оценку по всем дисциплинам с индивидуальными зачетами.

Дьяконов.

Страница практика.

Новый вид растраты

Кампания по борьбе с растратами дала свои результаты, и захлестывавшая низовые кооперативы волна растрат как-будто бы пошла на убыль.

Но если присмотреться ближе к этим организациям, то можно заметить не совсем отрадное явление, а именно: на смену явному расхищению общественных средств, на смену сокращающимся растратам выступает увеличивающийся процент безнадежных кредитов.

Дело в том, что любители легкой наживы, столкнувшись с угрозой репрессий, не отказались от мысли присвоения общественных средств и в некоторых случаях, переименив метод и тактику своих действий, общественные деньги присваивают «законным путем», посредством займа, чем обеспечивают себе безнаказанность.

Не редки случаи, когда низовой ответственный работник, пользуясь занимаемым им положением и авторитетом, который создает ему его ответственный пост, занимает неограниченные (по его бюджету) средства в общественных организациях с заведомой целью никогда их туда не возвращать. Произведя такие займы на крупную сумму, это лицо по стечению независимых (а может быть, и зависящих) от него обстоятельств переводится на службу в другую местность, а его долг в организациях списывается в расход, как безнадежный, и ложится на плечи организации. Мне известны, напр., случаи, когда районный работник, получающий жалованья 50—60 руб. в месяц, занимает деньгами (чтобы покрыть недостачу денег в своем учреждении) и берет товаром на сумму 400—500 руб., при чем свое «благосклонное» внимание уделяет всем кооперативам района, а в заключение переводится на службу в другой район, где по всей вероятности продолжает со спокойной совестью занимать в долг без отдачи.

Я уверен, что в таких случаях налицо аналогия растраты, и с этим новым видом растрат нужно так же решительно и беспощадно повести борьбу, как и с прямой растратой.

Если учесть приводимый мной выше случай, ясно, что человек, располагающий бюджетом в 60 руб. и занимающий в кооперативах 400—500 руб., заведомо присваивает общественные средства, зная, что это ему пройдет безнаказанно.

В таких случаях, по моему мнению, правильное себе применение найдут ст.ст. 10 и 113 УК и раз навсегда отобьют охоту у лиц, кои не прочь присвоить общественные средства обходным путем без риска быть наказанными.

Может быть, читатель мне скажет, что это зло легко предупредить путем ограничения кредита или совсем закрыть кредит. Да, можно, но не всегда.

Не все-то члены правлений кооперативов, а особенно в деревне, достаточно развиты, чтобы твердо проводить ту или иную директиву, и часто отступают в силу субъективных условий.

Дело в том, что ответственный работник, пользующийся в своих личных интересах доверием работника кооператива, всегда сможет подчинить последнего своей воле и влиянию, в силу, как я уже говорил, его служебного положения.

Мое мнение: уж если вести борьбу с растратами, так вести по всем направлениям, независимо от того, чем был это зло ни прикрывалось и в какую бы оболочку облечено ни было, а тем более за это говорит проводимый суровый

режим экономии и общая политика Сов. власти.

Желательно заслушать мнение по затронутому вопросу работников юстиции.

Народный судья 6 уч. Смольянинов.

С. Ярково Тюменского окр. Уральск. обл.

Ревизионные комиссии низовых кооперативов.

Прокатывающаяся по СССР волна растрат в государственных, профсоюзных и кооперативных учреждениях вызвала суровую судебную репрессию.

Среди руководящих циркуляров НКЮ о борьбе с растратами один из них, а именно № 121 от 22 июня 1925 г., упоминает об ответственности в уголовном порядке членов ревизионных комиссий, когда будет установлена несправильная, преступная работа последних.

Как правило, эти комиссии в низовом кооперативе работают непостоянно, они периодически поверяют отчетность и результаты докладывают общему собранию членов кооператива. Акты свои они обосновывают на книгах и документах, которые не всегда точно отражают в себе действительное положение дела, что может явиться как последствие злой воли, так и простого неумения обращаться с ними.

Нельзя забывать, что кадры кооперативных деревенских работников незначительны и в каждом правлении наблюдается текучесть. Одни лица исчезают за непригодностью, другие, приобретшие опыт, выдвигаются дальше, а на место тех и других деревенский актив ставит новых и новых работников, порою не обладающих достаточной грамотностью и наделенных лишь желанием укрепить дело. Вполне естественно ожидать, что они учатся и будут учиться на ошибках. Это ни для кого не страшно, это не угроза общественному строительству, но многие из ошибок, во-время и умело не расшифрованных, могут повлечь в каждом отдельном случае представление о наличии злоупотребления.

При крайнем разнообразии форм счетоводства и отчетности, хотя бы и по общепринятой американской системе бухгалтерии, при разнообразии способов проведения по книгам одной и той же операции даже в двух соседних кооперативах одного и того же более крупного объединения, нередко опытный инструктор-бухгалтер не всегда в силах быстро и точно уяснить положение счетов.

На одном из совещаний по борьбе с преступностью, организованном при управлении Костромского губпротектора, вынесены определенные указания для инструкторских отделов кооперативных объединений, но все же приходится отметить, что и в настоящее время до образцовой постановки отчетности еще далеко. С отчетностью, находящейся в таком необработанном, сыром, а иногда и прогнившем состоянии, и сталкиваются ревизионные комиссии. Они видят отчетность иногда за полгода сразу. Материал, по крайней мере, для не специалиста,—мертвый. В большинстве случаев члены ревкомиссии до составления их отчета стояли к работе кооператива не ближе, чем все остальные рядовые члены, ограничивавшиеся ролью покупателей, заборщиков, вкладчиков и т. п.

Техника производства ревизий уже достаточно известна и членам ревкомиссии: снятие остатков товаров, денег, продукции. Простой подсчет наличия еще легко выполнить, установить остатки от предыдущей ревизии возможно. Но

когда ревкомиссия приступит к сводке этих двух концов, то почти всегда подучится невязка. Характерно, что слушаев пазнишков не встречается, а при недостатке ревизионная комиссия неизменно отмечает: «поставили столько-то считать, как растрату». Почему «как растрату», почему не допускается мысли о халатности, прочете или только недостатке, подлежащем возмещению в гражданском, а не уголовном порядке,—неизвестно. Об этом ревизионные комиссии молчат, по заявляют: «если недостаток—значит растрата».

Помимо необоснованности такого утверждения, в вину ревкомиссиям можно ставить и краткость акта: обычно пишется: приход и расход такой-то, за ответственным лицом столько-то. Совершенно отсутствуют ссылки на просмотренные документы, почему при допросе заподозренного последний всегда заявляет, что ничего не знает. По такому акту ревизии нет возможности задать определенные вопросы.

Здесь необходимо производство более полной инструкторской ревизии или бухгалтерской экспертизы. Трудно вспомнить хотя бы одно дело, возникшее по акту ревкомиссии, которое не выдвинуло бы совершенной необходимости повторной проверки, тем более, что заподозренные вполне основательно настаивают на ней.

В настоящее время, когда дела по 1 ч. 113 ст. исключены из категории требующих обязательного предварительного следствия и проводят их органы дознания, менее квалифицированные, чем расследователи, особенно остро ощущаются недостатки работ ревкомиссий.

Положение сводится к тому, что или по постановлению суда, или по предложению прокуратуры дознание направляется для производства предварительного следствия, и тем в значительной степени парализуется желание законодателя разгрузить следственные участки. Даже по делам, направленным от нарседа в порядке ст. 211 УПК и бывшим предметом судебного рассмотрения, обвиняемые имеют возможность опровергать умысел. Часто, признавая факт нехватки, обвиняемый все же настаивает на отсутствии полного состава преступления, растраты, и утверждает, что здесь налицо имеются лишь гражданские правоотношения или проступок, караемый в дисциплинарном порядке.

Все эти обстоятельства, крайне ценные для суда, могли бы быть установлены ревизионной комиссией. Как

местные люди, знающие кооперативных работников, члены ее, несомненно, могут давать больше, чем обычно отмечают в акте. Это облегчило бы проведение дознания и дало бы суду более ясную картину преступления, обрисовало бы обстановку всей работы и среду, в которой она производилась. Без установления этого суду крайне затруднительно вынести приговор, так как суд не может рассматривать преступление вне времени и пространства. Если все это и можно установить путем производства предварительного следствия, то лишь с затратой более или менее продолжительного времени, что отдалит момент судебного воздействия от преступления.

Однако, при условии таких несколько повышенных требований к ревизионным комиссиям, встает следующий вопрос: в силах ли будут члены ревкомиссий выполнять это задание?

Если сделать вывод о желательности в будущем подобных достижений со стороны ревкомиссий низовой кооперации, то для достижения этого должно приблизить ревкомиссию к повседневной работе правления и других подотчетных лиц кооператива, заставить комиссию изучать постановку дела на ходу, знакомиться с вновь проводимыми операциями, вникать в экономическую сущность вопроса, оценивать с точки зрения беспристрастного наблюдателя каждого работника в отдельности, замечать и исправлять их промахи и недостатки, в некоторых экстренных и важных в жизни организации моментах давать свое заключение о целесообразности и правильности данной операции.

Ревизионные комиссии, несколько расширившие свои задачи, дадут богатый материал для истории кооперативного строительства, подготовят кадры опытных работников, помогут в каждом отдельном случае быстро и точно установить характер того или иного преступления, облегчат работу органов дознания и суда, а главное—предупредят самую возможность злоупотреблений, если не совсем, то в значительной мере. Кроме того, в результате такого подхода к делу, несомненно, произойдет количественное и качественное уточнение учета растрат, значительный % их будет сброшен со счетов нашей низовой кооперации за переводом в плоскость гражданских правоотношений.

А. Л.

Гор. Рострома.

Обзор советского законодательства за время с 3 по 10 июня 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы.

1. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 4 июня о выпуске второго внутреннего государственного 8-процентного займа («Изв. ЦИК СССР» от 10 июня, № 132) проводится новая кредитная операция, являющаяся продолжением первого внутреннего 8-процентного золотого займа, выпущенного на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 15 февраля 1924 г. («С. У.» 1924 г. № 34, ст. 311) и предназначенного, главным образом, для помещения резервных и запасных капиталов государственных учреждений и предприятий в порядке, установленном постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 7 марта 1924 г. («С. У.» 1924 г. № 43, ст. 399). Сумма выпускаемого займа определена в 100 млн. рублей. Облигации достоинством от 50 до 1.000 руб. Уплата процентов по купонам производится два раза в год: 1 марта и 1 сентября. За облигациями займа обеспечено свободное обращение наравне с другими государственными про-

центными бумагами; они принимаются в залог по всем государственным подрядам и поставкам, а также в обеспечение уплаты таможенных пошлин. Как сами облигации, так и сделки с ними освобождены от обложения налогами и сборами, общегосударственными и местными. Выигрышей займа постановление не устанавливает; его задача дать держателям облигаций определенный устойчивый доход. Выпускной курс определен в 96 за 100 рублей. Срок для предъявления облигаций к платежу в случае их выхода в тираж, а равно для предъявления к оплате купонов определен трехлетний (давностный срок). Тиражей погашения предусмотрено всего восемь, начиная с 1 сентября 1928 года и кончая 1 марта 1932 года.

2. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 21 мая, о размерах ставок основной ренты с земель, отведенных для водного транспорта, а равно для шоссейных и грунтовых дорог общесоюзного и стратегического значения («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня, № 125), издано на основании постановления 3 сессии ЦИК Союза ССР 1 созыва от 12 ноября 1923 г. о взимании ренты с земель городских и предоставленных

транспорт (С. У.» 1923 г. № 114—115, ст. 1055). В отношении ставок ренты, взимаемой с указанных земель, на последние соответственно распространены ставки, предусмотренные табелями ставок основной ренты для городских земель, предоставленных железнодорожному транспорту, в пределах городской черты, а для земель, предоставленных транспорту, вне городских поселений Союза ССР (прил. 1 и 2 к постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 18 сентября 1925 г. о размерах ставок ренты с земель городских и предоставленных транспорту—С. З.» 1925 г. № 67, ст. 500). вновь введенные ставки ренты с земель водного транспорта и шоссейных и грунтовых дорог общесоюзного и стратегического значения подлежат применению с 1 октября 1925 г., согласно постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 28 августа 1925 г. о введении в действие положения о землях, предоставленных транспорту (С. З.» 1925 г. № 65, ст. 477).

Таможенное дело.

3. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 21 мая об изменении ст. ст. 252 и 283 Таможенного Устава Союза ССР («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня № 128) содержит новую редакцию этих статей, согласованную с постановлением СНК Союза ССР от 22 сентября 1925 г. о порядке использования конфискуемых имуществ (С. З.» 1925 г. № 71, ст. 526). Согласно общему началу, положенному в основание последнего постановления, контрабандные товары и предметы продаются с публичных торгов с изъятиями, установленными специальными узаконениями. Суммы, вырученные от реализации контрабандных товаров, распределяются в особом порядке. Деньги же, вырученные от продажи других, кроме контрабандных, товаров, поступают в доход казны. В таком же порядке направляются суммы денежных штрафов, поступающих за таможенные нарушения.

Труд.

4. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 21 мая об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 4 декабря 1925 г. о рабочем времени работников связи в учреждениях Народного Комиссариата Почт и Телеграфов («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня № 128) отменено предусмотренное ст. 4 этого постановления издание детального положения о рабочем времени работников связи (С. У. СССР» 1925 г., № 82, ст. 617). Перечень же некоторых категорий работников связи, для которых допускается обеденный перерыв продолжительностью свыше 2 часов, вырабатывается Народным Комиссариатом Труда совместно с Наркомпочтелем и ВЦСПС.

Торговля.

5. Постановлением СТО от 12 мая об обязательности постановлений элеваторного комитета при Совете Труда и Обороны («Изв. ЦИК СССР» от 9 июня № 131) внесено соответствующее дополнение в положение об элеваторном комитете от 26 июня 1924 г. (С. У. РСФСР» 1924 г., № 76, ст. 766). Все утвержденные элеваторным комитетом и опубликованные в газете «Экономическая Жизнь» инструкции по управлению, эксплуатации и сооружению элеваторов и правила пользования элеваторами обязательны для всех ведомств, учреждений, предприятий и лиц.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Административное право.

1. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая утверждено положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка («Изв. ЦИК СССР» от 4 июня № 121), с изданием которого отменено действие положения от 8 марта 1923 г. (С. У.» № 21, ст. 249). Новое положение издано вследствие директивы общесоюзного законодательства, содержащейся в постановлении ЦИК и СНК Союза ССР от 3 апреля 1925 г. о введении в действие союзного закона по данному предмету (С. З.» 1925 г. № 25, ст. 166). Повторяя в основном содержание общесоюзного закона, положение РСФСР содержит в то же время ряд подробностей, преимущественно в отношении исключительного положения. Последнее вводится постановлением ВЦИК и СНК по представлению НКВД, но оно может быть введено также ЦИК'ами автономных республик, исполкомами краевыми, областными и губернскими и их президиумами в случае невозможности снестись с центральной властью, либо недопустимости, по ходу событий, промедления во введении исключительного положения; об этом, однако, немедленно должно быть дове-

дено до сведения ВЦИК и СНК. Не лишним представляется и категорическое правило о том, что никакие иные местные органы не могут вводить исключительное положение ни при каких условиях. Срок действия исключительного положения устанавливается не свыше, чем на три месяца; продление срока производится в том же порядке, что и введение, а досрочная отмена требует постановления Президиума ВЦИК. Обязательные постановления, издаваемые во время действия исключительного положения, могут относиться и к предметам, по которым по нормальному законодательству исполкомы права на издание постановлений не имеют. Меры высылки усиливаются: лишение свободы до двух месяцев и штраф до 1.000 рублей (в городах) и до 200 руб. (в сельских местностях). Кроме того, президиумам исполкомов краевых, областных и губернских предоставляется право высылки лиц, признанных опасными для общественного порядка, как за пределы края, области или губернии, так и в определенные пункты последних без права самовольного передвижения. В местностях, постигнутых чрезвычайными стихийными бедствиями, тем же исполкомам предоставлено право производить реквизицию имущества с последующим донесением в ЭКОСО РСФСР, устанавливать трудовую повинность, приостанавливать действие предприятий и учреждений и правил об обществах, союзах, собраниях, съездах и печатях. Окружные и уездные исполкомы и городские советы получают те же права, за исключением права административной высылки.

Правило о порядке введения военного положения те же, что и в общесоюзном законе. С большею подробностью перечисляются права военно-революционных комитетов. Помимо прав, предоставленных президиумам исполкомов на время действия исключительного положения, ревкомы имеют право назначать за нарушение издаваемых ими обязательных постановлений лишение свободы на срок не свыше шести месяцев и штраф до 2.000 рублей в городах и до 400 рублей в сельских местностях, а также конфискацию всего или части имущества, передавать на рассмотрение военного трибунала отдельные уголовные дела, а также передавать трибуналу подсудности целые категории дел, воспрещать въезд и выезд отдельным лицам и категориям населения и ввоз и вывоз тех или иных предметов, в исключительных случаях объявлять мобилизацию и устанавливать повинности.

На всех заседаниях исполкомов и их президиумов во время действия исключительного положения и военно-революционных комитетов при военном положении обязательно присутствие представителя прокуратуры. Постановления тех и других могут быть им опротестованы в общем порядке. Также обязательно присутствие представителя прокурорского надзора на заседаниях чрезвычайных комитетов железных дорог по объявлении на них военного или исключительного положения. Прокурор назначается Президиумом ВЦИК по представлению Прокурора Республики.

Труд.

2. Постановлением СНК РСФСР от 1 июня о времени занятий в государственных учреждениях и промышленных предприятиях в городе Москве и Московской губ. («Изв. ЦИК СССР» от 10 июня № 132) и на время после 1 октября текущего года установлено время занятий с 9 до 15½ часов. Накануне дней отдыха и государственных праздничных дней, занятия оканчиваются в 15 час. На фабриках, работающих в одну смену, работа начинается в 7 часов. Соответственно дополнено постановление от 7 декабря 1925 г. (С. У.» № 90, ст. 658).

Центральные учреждения.

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении положения о Народном Комиссариате Земледелия РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 10 июня № 132) при управлении землеустройства, мелиорации и государственных земельных имуществ учрежден технический комитет по делам водного хозяйства и мелиорации (см. положение от 26 ноября 1923 г.—С. У.» № 9, ст. 903).

Промышленное право.

4. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 24 мая о признании государственного опытного завода института по прикладной химии в Ленинграде предприятием республиканского значения («Изв. ЦИК СССР» от 10 июня, № 132) внесено соответствующее изменение в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 сентября 1925 г. об изменении списка про-

мышлевных предприятий республиканского и местного значения («С. У. РСФСР» 1925 г. № 62, ст. 505).

Земледелие и землеустройство.

5. Постановлением СНК РСФСР от 15 мая об изменении ст. 2 постановления СНК РСФСР от 14 июня 1923 г. об оплате землеустроительных и поземельно-регистрационных работ («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня, № 128) изменен порядок оплаты. Последняя вносится в четыре срока: при возбуждении ходатайства о землеустройстве или регистрации—35%, при исполнении подготовки дела—15%; по утверждении подготовки—35% и перед предъявлением окончательного землеустроительного проекта или выдачей документов—75%.

6. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 10 апреля об организации конкурсных испытаний тракторов и прицепных орудий в 1926—27 году («Изв. ЦИК СССР» от 10 июня, № 132) образован междуведомственный комитет по организации испытаний в течение времени с июля 1926 г. по июль 1927 г. Испытания производятся в три срока: весенние, осенние и зимние на Северном Кавказе и в Крыму.

Лесное дело.

7. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 мая об отсрочке окончания работ по выделению и передаче лесов местного значения по Сибирскому краю («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня № 128) сроком окончания этих работ назначено 1 октября 1926 г. в изъятие из постановления 2 сессии ВЦИК XII съезда.

Социальная помощь.

8. Постановление СНК РСФСР от 24 мая о пределах организационных расходов крестьянских обществ взаимопомощи («Изв. ЦИК СССР» от 9 июня № 131) издано в целях проведения экономии и в этой отрасли общественной самостоятельности населения. Предел организованных расходов установлен в 10% общего годового поступления доходов крестьянских обществ взаимопомощи для районов, признанных бедородными. Надзор за проведением постановления возложен на сельсоветы и волысполкомы, а также вышестоящие объединения. Члены крестьянских обществ за нарушение установленного предела организационных расходов отвечают, как должностные лица, по ст. ст. 105 и 106 Уг. Кодекса.

Финансы.

9. Постановление ЭКОСО РСФСР от 1 апреля об исключении из таблицы ставок основной ренты некоторых поселений Северо-Кавказского края и Пензенской губ. («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня, № 125) издано в виду перевода этих поселений из разряда городских в сельские.

10. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 8 мая утверждено положение о хлебозапасных магазинах для туземного населения Севера («Изв. ЦИК СССР» от 5 июня № 128), имеющее целью выдачу ссуд этому населению по случаю стихийных бедствий или по причине малой мощности отдельных хозяйств.

М. Брагинский.

Из деятельности Наркомюста. Раз'яснения Отдела Законод. Предп. и Кодиф.

Могут ли быть заключаемы сделки с государственными хозяйственными организациями до их регистрации.

1. Не касаясь акционерных обществ с исключительным или преобладающим участием государственного капитала и местных хозяйственных объединений (торгов), государственные хозяйственные организации возникают или в виде трестов по законам от 10/IV—23 г. («С. У.» 1923 г. № 29, ст. 336), от 17/VII—23 г. («С. У.» 1923 г. № 84, ст. 815) и от 20/XII—24 г. («С. У.» 1926 г. № 2, ст. 14) или в виде подсобных предприятий по закону от 10/V—26 г. («Изв. ВЦИК и ЦИК» от 23/V—26 г.). Во всех этих узаконениях установлено, что тресты и подсобные предприятия приобретают права юридического лица с момента регистрации. Однако, в торговом обороте действуют и совершают сделки госпредприятия, еще не зарегистрировавшие себя в подлежащих учреждениях в качестве трестов или подсобных предприятий. Для определения права и дееспособности таких госпредприятий необходимо различать два рода их: предприятия, возникшие до издания указанных выше узаконений и после их издания.

2. Согласно постановления СТО от 12 августа 1921 г. об основных положениях о мерах к восстановлению крупной промышленности («С. У.» 1921 г., № 63, ст. 462) были образованы еще до издания декрета от 10/IV—23 г. многие тресты, действовавшие на основании особых положений, утверждавшихся Президиумом ВОНХ и публикуемых в приказах Президиума ВОНХ и даже в «С. У.». Такой же порядок возникновения имел место и в отношении местных и коммунальных трестов с той особенностью, что положения о них утверждались губисполкомами. Что касается подсобных предприятий, то легальным основанием их возникновения до декрета от 10/V—26 г. надлежит считать нераспубликованное постановление СНК РСФСР от 14/XI—24 г.

Наркомюст полагает, что такие тресты и подсобные предприятия должны признаваться юридическими лицами согласно ст. 14 Гр. Код. РСФСР с момента утверждения положений о них соответствующими наркоматами или губисполкомами. Положение это подтверждается вышеперечисленными декретами о трестах, которые обязали все существовавшие

до их издания общегосударственные, местные и коммунальные тресты перейти в течение определенного срока на уставы согласно правил декретов о трестах, при чем соответственные статьи этих декретов (прим. 1 к ст. 53 декрета от 10/IV—23 г., ст. 49 декрета от 17/IV—23 г., ст. 46 декрета от 20/XII—24 г.) рассматривают все возникшие до их издания тресты, как юридические лица, действующие на основании положений о них, которые, очевидно, сохраняют свою силу вплоть до момента регистрации уставов, их заменяющих.

3. Иначе должен быть разрешен вопрос о трестах и подсобных предприятиях возникших после издания декретов о трестах и подсобных предприятиях, так как в момент их возникновения уже действовал закон, предоставлявший этим предприятиям права юридического лица лишь с момента регистрации устава, поэтому до момента такой регистрации эти госпредприятия не могут быть признаны юридическими лицами. Ведомственный приказ об их учреждении или утверждении какого-либо положения о них наркоматом или губисполкомом имеет значение лишь ведомственного распоряжения о способах управления находящимся в ведении наркомата или губисполкома государственным имуществом, но не может создать, вопреки закону, нового юридического лица с обособленным имуществом. Отсюда следует, что в промежутке между утверждением устава треста или подсобного предприятия и его регистрацией этот устав является не легальным основанием существования госпредприятия, как юридического лица, а директивной или поручением наркомата или губисполкома, учредившего госпредприятие, своим служащим (напр., временному правлению треста) управлять имуществом, входящим в состав предприятия, согласно устава. Иначе говоря, должностные лица, управляющие госпредприятием до его регистрации, действуют от имени наркомата или губисполкома, учредившего предприятие, как его представители, в пределах полномочий, указанных в утвержденном уставе или каком-либо ином положении. Следовательно, и имущественная ответственность за совершаемые этими должностными лицами сделки падает на ведомства и исполкомы, учредившие госпредприятие.

(Раз'яснение Сельхозбанку № 43/П/312 от 29 мая 26 г.)

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Определения гражд. касс. коллегии.

По протесту прокурора по трудовым делам при Верхсуде РСФСР на определение Моск. губсуда по иску служащих 2 Тверской амбулатории г. Москвы к Мосполиграфу и Мосздравотделу о выплате 2.571 руб. 60 коп. зарплаты.

Между Московским губотделом союза Всемедикосантруд и Мосполиграфом был заключен коллективный договор сроком с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. в отношении работников 2-ой Тверской амбулатории, находившейся в ведении Мосполиграфа. 15 апреля 1925 г. по соглашению между Мосполиграфом и Мосздравотделом амбулатория со всем своим штатом перешла в ведение и полное содержание последнего. В связи с этим переходом и распространением на служащих амбулатории коллективного договора между союзом Всемедикосантруд и Мосздравотделом материальное положение служащих амбулатории ухудшилось, так как условия последнего коллективного договора были менее благоприятны для них, чем условия колдоговора того же союза с Мосполиграфом. В частности, по колдоговору с Мосполиграфом всем работникам амбулатории предоставлялось за каждые прослуженные 11 месяцев право пользования месячным отпуском; по договору же с Мосздравотделом отпуск предоставлялся лишь на две недели за прослуженный год.

В связи с указанными обстоятельствами 37 служащих 2-ой Тверской амбулатории предъявили на основании примечания к ст. 23 Код. зак. о труде иск к Мосполиграфу и Мосздравотделу о выплате им 2.571 руб. 60 коп. зарплаты за первые две недели после перехода амбулатории в ведение Мосздравотдела по ставкам, установленным колдоговором с Мосполиграфом, и компенсации, связанной с утратой ими права на месячный отпуск, уже приобретенного ими к моменту перехода амбулатории к Мосздравотделу.

Кроме того, шестеро из истцов просили дополнительно взыскать с Мосполиграфа в их пользу 257 руб. компенсации за неиспользованный в 1924 и 1925 г.г. отпуск, указав, что право это признано решением РКК.

Решением трудсесии Москвы иск был удовлетворен в сумме 753 руб. 76 коп., составляющих разницу в зарплате за две недели, при чем трудсесия признала, что в отношении отпускных истцы подлежат удовлетворению на общих основаниях.

Губсуд отменил это решение трудсесии по тем основаниям, что с переходом истцов в ведение Мосздравотдела на них был распространен колдоговор, заключенный для всех сотрудников всех лечебных заведений г. Москвы, и что истцы не имеют права требовать выплаты им разницы в ставках, ибо Мосполиграф не обязан был предупреждать их об изменении колдоговора, при заключении которого в качестве стороны выступает сам союз, почему только союз и может предъявлять претензии. Губсуд нашел также, что трудсесия правильно оставила без рассмотрения претензии шести истцов о компенсации за отпуск 1924—25 г., ибо наличие решения РКК дает право истцам взыскать эту сумму в бесспорном порядке.

При вторичном рассмотрении дела трудсесия в иске истцам отказала. Решение это вошло в законную силу. Однако,

по жалобе истцов прокурором по трудовым делам решение это было опротестовано перед гр. касс. колл. Верхсуда. Последняя вынесла следующее определение:

Рассмотрев настоящее дело, Г. К. К. находит:

1. Одним из основных принципов, установленных Кодексом законов о труде, является принцип сохранения действия трудового договора с переходом учреждения, предприятия или хозяйства от одного ведомства или владельца к другому ведомству или владельцу. С этой точки зрения трудовые договоры, заключенные с служащими 2-ой Тверской амбулатории Мосполиграфа на основании колдоговора, заключенного им с профсоюзом Медсантруд 1 октября 1924 г., должны были сохранить свою силу с переходом 2-ой Тверской амбулатории в ведение Мосздравотдела на весь срок действия означенного колдоговора, т.-е. по 1 октября 1925 г. со всеми вытекающими последствиями (ст. ст. 23 и 44 Код. зак. о труде).

2. То обстоятельство, что между профсоюзом медсантруд и Мосздравотделом было заключено в отношении работников всех лечебных заведений общее коллективное соглашение, не может ни в коей мере колебать прав истцов, так как эти права были установлены для них специальным соглашением медсантруда с Мосполиграфом и так как условия, установленные колдоговором с Мосздравотделом, внесли ухудшение в положение, которое занимали истцы на службе у Мосполиграфа (ст. 28 Код. зак. о труде).

3. Ссылка губсуда на то, что истцы в силу примечания к ст. 23 Код. зак. о труде не имеют права на иск, представлялось бы основательной лишь в том случае, если бы Мосздравотдел в связи с переходом к нему амбулатории вошел своевременно с союзом медсантруд в соглашение об изменении колдоговора от 1 октября 1924 г. в смысле распространения на истцов, служащих Мосполиграфа, условий найма, установленных для служащих всех лечебных заведений Мосздравотдела. При отсутствии же указанного соглашения вывод губсуда о неимении у истцов права на иск представляется неправильным.

4. Что вместе с тем определение губсуда в частн, касающейся претензий шести истцов о компенсации за неиспользованный отпуск в 1923—24 г.г., удовлетворенных расценочно-конфликтной комиссией, является правильным, так как решение РКК пересмотру в судебном порядке не подлежит, и истцы имеют право получить по этому решению РКК исполнительный лист согласно разъяснения пленума Верховного Суда от 12 сентября 1925 г. (цирк. НКЮ и НКТ РСФСР от 14 сентября 1925 года—«Еж. Сов. Юст.» 1925 г. №№ 36 и 37).

На основании изложенного РКК определяет:

Решение Московской трудсесии от 4/IX—25 года отменить и дело передать на новое рассмотрение через Московский губсуд в ту же трудовую сессию другого состава, за исключением претензий, признанных РКК, по которым истцам надлежит обратиться в суд в порядке, предусмотренном указанным разъяснением пленума и циркуляра НКЮ и НКТ РСФСР.

(Определение по делу № 3196).

Определения угол. касс. коллегии.

По касс. жалобе Ворониной, Т. Ф., на приговор Московского губсуда от 17/III—26 года.

17 марта 1926 года Московским губсудом по уголовному отделению было рассмотрено дело по обвинению гр-ки Ворониной, Татьяны Федоровны, 50 лет, из крестьян, малограмотной беспартийной, ранее не судившейся, в преступлении, предусмотренном ст. 171 ч. 1 УК.

Обстоятельства дела в изложении описательной части приговора заключаются в следующем:

«Гр-ка Воронина, проживая в кв. № 2, д. № 7, по Б. Сергиевскому пер., в Москве, в течение ряда лет содержала притон разврата, сдавая свою площадь женщинам, занимающимся проституцией: в частности, установлено, что

с 1922 по 1924 г. включительно Воронина сдавала свою площадь гр-ке Тюриной, занимавшейся проституцией, с которой, кроме половинного размера ее платы, получала по 50 руб. в месяц. В 1925 г. сдавала площадь Черемненко, также занимавшейся проституцией, на тех же условиях, получая с нее платы на 10 рублей больше, нежели с Тюриной, т.-е. 60 руб. в месяц.

На почве расчетов у Ворониной, требовавшей прибавки, происходили с живущими у нее проститутками неоднократные ссоры. Кроме того, установлено, что до Тюриной у Ворониной также с 1919 года проживала проститутка, фамилия которой не выяснена, с которой также Воронина за предоставление ей помещения взимала плату. Наконец, установлено, что, помимо всего, Воронина содержала у себя притон

разврата по части карточной игры, сдавая свое помещение для таковой. Деяния обвиняемой квалифицированы судом по ст. 171 ч. 1 УК».

Воронина приговорена к лишению свободы на 3 года, с поражением на тот же срок в правах, с конфискацией всего принадлежащего ей имущества, с зачетом предварительного заключения с 1 января 1926 г.

Обжалуя приведенный приговор в кассационном порядке, осужденная Воронина указала лишь, что приговором недовольна и просила об обращении дела к новому рассмотрению.

Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР в заседании от 14 мая 1926 г. вынесла следующее определение:

«Для обвинения гр-ки Ворониной по ст. 171 ч. 1 УК нет достаточных оснований, так как для этого необходимо установить, что обвиняемая получала плату за предоставление помещения специально для половых сношений, а то обстоятельство, что проживавшая в ее квартире гр. Тюрина занималась проституцией, само собой не составляет уголовно-

наказуемого деяния. Гр-ки Тюрина и Череменко категорически утверждают, что платили Ворониной обычную плату за квартиру, а все остальное, на чем суд основал приговор, есть только слухи и предположения. Вменение в вину Ворониной того, что она содержала игорный дом, и квалификация этого деяния по ст. 171 УК неправильны, ибо вопрос этот должен быть разрешен в административном порядке или же в крайнем случае в порядке 49 ст. УК, посему за недоследованностью дела, т.-е. неустановлением факта получения Ворониной особой платы за предоставление помещения для половых сношений или вербовки женщин для посещения мужчин, на основании 1 ч. 413 ст. УК приговор отменить и дело обратить к новому рассмотрению в тот же суд в ином составе со стадии предварительного следствия.

Частное определение. Указать суду в порядке надзора, что по данному делу есть основание для применения 49 ст. УК, но не для осуждения по 171 ст. УК».

(Определение по делу № 25.205).

== В Совнаркome РСФСР. ==

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об организации принудительных работ без содержания под стражей.

Во исполнение поручения ВЦИК и в целях успешного проведения в жизнь принудительных работ без содержания под стражей путем пополнения сети организующих эти работы учреждений и в целях облегчения как предоставления работ лицам осужденным, так и отбытия их последними, в развитие главы IV Отдела 1 Исправительно-Трудового Кодекса и других, относящихся к организации принудительных работ законоположений, Наркомюст разработал и внес на рассмотрение МСНК соответствующий проект постановления, согласно которого в дополнение к уже существующим специальным органам, т.-е. к бюро принудительных работ, расположенным в краевых, областных и губернских центрах (ст. 23 ИТК), и к отделению бюро принудительных работ при находящихся в округах, уездах и районах местах заключения (ст. 24 ИТК) предполагается привлечь к делу организации принудительных работ без содержания под стражей в местностях, где мест заключения нет, уездные, районные и волостные комитеты с предоставлением им прав, принадлежащих отделениям бюро принудительных работ, с подчинением их в осуществлении этих прав и соответствующих обязанностей руководству вышестоящих органов на общем основании с покрытием их расходов по организации принудительных работ из источника, указанного в примечании к ст. 23 ИТК.

Названные учреждения организуют принудительные работы независимо от порядка назначения их, судебного или административного, согласно правил, изложенных в статьях 23—43 ИТК и других законоположений об организации принудительных работ, равно как правил, изданных в их развитие.

Лица, работающие по найму, отбывают принудительные работы по месту выполнения своей работы.

Лица, по найму не работающие и проживающие в местах нахождения бюро принудительных работ или их отделений, направляются названными учреждениями в порядке ст.ст. 27 и 28 ИТК на работы в предприятиях управления местами заключения и его органов, а в случае невозможности применения труда их в названных предприятиях, на работы в других учреждениях и предприятиях (железно-дорожных, коммунальных и т. п.), по соглашению с бюро принудительных работ или их отделений с предоставляющими работу органами, с одной стороны, и с Нар. Ком. Труда и его местными учреждениями, с другой.

Лица, по найму не работающие, но проживающие в местностях, где мест заключения нет, направляются на работы соответствующими исполнительными комитетами, минуя предприятия управления местами заключения и его органов и без сношения с Наркомтрудом и его местными учреждениями, в хозяйственные предприятия тех же исполнительных комитетов, на общественные работы (дорожное строительство, мелиоративные работы и т. п.), в комитеты крестьянских обществ взаимопомощи, в частные хозяйства. В интересах рынка свободного труда направление на указанные работы не должно носить массового характера.

Лица, по найму не работающие, приравниваются по оплате принудительных работ, предоставленных им учреждениями, к неквалифицированным работникам. Оплата труда их не должна превышать 75% и быть ниже 25% вознаграждения, установленного за выполнение данной работы для работающих по найму, при чем предоставление им пропитания и жилища засчитывается в заработную плату в размере не свыше 50%.

Лица, подлежащие отбытию принудительных работ, обязаны не позднее 7 дней по вступлении в законную силу соответствующего приговора или постановления явиться в учреждение, ведающее принудительными работами, для принятия на учет и назначения на работу.

По принятии на учет лица, работающие по найму, обязаны являться в учреждение, ведающее принудительными работами, только по вызову повесткой.

Лица, по найму не работающие, по принятии их на учет, обязаны являться в учреждения, ведающие принудительными работами, по вызову как повесткой, так и по объявлению. Первые три вызова назначаются не реже, как раз в месяц для тех, кому принудительные работы назначены судом, и не реже, как раз в неделю для тех, кому они назначены в административном порядке. При условии соблюдения теми и другими лицами всех установленных в отношении их правил время после третьего вызова засчитывается в срок отбытия принудительных работ. Срок работ, предоставленный после третьего вызова, подлежит сокращению против указанного в приговоре или постановлении на время, истекшее со дня третьего вызова по день предоставления работ.

В случае невозможности назначения на принудительные работы по причинам хронической болезни и инвалидности, удостоверенным медицинским свидетельством, учреждения, ведающие принудительными работами, возбуждают через инспекторов мест заключения перед органом, вынесшим соответствующий приговор или постановление, ходатайство о замене принудительных работ другой мерой. В этом случае время пребывания на учете по отбытию принудительных работ не подлежит зачету в срок меры, назначенной взамен принудительных работ.

На всех подлежащих отбытию принудительных работ, независимо от места и порядка их выполнения, распространяются полностью соответствующие статьи Исправительно-Трудового Кодекса и других, относящихся к отбытию принудительных работ законоположений, равно как правила, изданные в их развитие.

Учреждения, предприятия и хозяйства, в которых отбываются принудительные работы, обязаны сообщать в учреждения, ведающие принудительными работами, согласно их требований о фактическом исполнении принудительными работниками своих обязанностей.

За уклонение от отбывания принудительных работ, неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, а также недобросовестное исполнение работ налагаются взыскания, предусмотренные ст. 40 ИТК в порядке, указанном в примечании к той же статье.

Губернским распределительным комиссиям предоставляется право освобождать от отбытия принудительных работ, зачитывая в срок таковых, согласно правил, указанных выше, время пребывания на учете бюро принудительных работ или их отделений до опубликования настоящего постановления.

Проект дополнения Гражд. Код. РСФСР ст. 323-г.

В связи с дополнением постановления ЦИК и СНК СССР от 24 апреля 1925 г. о порядке утверждения уставов акционерных обществ (паевых товариществ) и их регистрации («С. З.» 1925 г. № 30, ст. 195) ст. 6, устанавливающей порядок утверждения и изменения уставов названных обществ, Совнарком РСФСР по представлению Наркомюста принял проект дополнения Гражд. Код. РСФСР статьей 323-г, согласно которой изменения в действующих уставах акционерных обществ (паевых товариществ) утверждаются теми органами, утверждению которых подлежал бы, согласно закону устав данного общества (товарищества), включая предполагаемые изменения.

Однако, изменения, лишающие устав общества (товарищества) признаков, указанных в первой части ст. 323-в Гражд. Код., подлежат утверждению ЦО СССР, изменения, лишающие устав признаков, указанных во второй части ст. 323-в Гражд. Код., подлежат утверждению Совнаркома Союза ССР.

Названное постановление Совнаркома РСФСР послано на утверждение Президиума ВЦИК в порядке ст. 2 постановления ВЦИК о порядке изменения кодексов РСФСР («С. У.» 1923 г. № 64, ст. 530).

Продление установленного декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 58, ст. 463) срока для подачи заявлений о регистрации мельнично-крупяных предприятий в отношении владельцев мельниц, просо- и крупорошек в три постава и ниже.

Совнарком РСФСР постановил продлить срок на подачу заявлений о регистрации мельнично-крупяных предприятий и ходатайств о возврате бывшим собственникам принадлежащих им мельничных предприятий в отношении собственников мельниц, просо- и крупорошек в три постава и ниже до 1 октября 1926 года.

В о п р о с ы НОТ'а.

Рационализаторская работа в органах НКЮ *)

Изучая делопроизводство и канцелярскую технику судебных органов, нетрудно заметить, что работа технического аппарата и постановка канцелярий в органах суда скорее, чем в каких бы то ни было других учреждениях, могут быть рационализированы, уложены в строгий учет, распределены, а путем расчленения и специализации отдельных частей работы деятельность существующей канцелярской машины точно урегулирована и ограничена.

Застывшая и законченная форма бумаг, точный порядок их движения и исполнения и однообразие методов работы благоприятствуют проведению рационализации постановки делопроизводства и техники исполнения.

Идя по пути, указанному в этом направлении, Оргбюро НКЮ, учитывая опыт работы по карточной системе делопроизводства и имея в виду обсуждение вопроса о НОТ на предстоящем Всероссийском съезде работников юстиции, необходимо наметить пути и методы дальнейших желательных мероприятий в области применения научной организации труда в органах юстиции и усовершенствования тех приемов, какие в этом направлении уже введены.

Разработка вопроса о применении НОТ возможна лишь при тесном и активном сотрудничестве Оргбюро с работниками на местах. Опыт местных работников укажет Оргбюро кратчайшие и проверенные практикой пути дальнейшей рационализации работ, предотвратит неизбежные при проведении реформы сверху промахи и ошибки и даст экономию в средствах и времени.

Сама по себе подготовительная черновая работа при первых шагах должна быть особенно осторожной, продуманной и хорошо усвоенной. Для этого необходимо широкое заблаговременное обсуждение намечающихся мероприятий, привлечение к обсуждению местных работников и тесная деловая связь с ними Оргбюро.

Существующая связь Оргбюро через «Информационные бюллетени» в «Е. С. Ю.» безусловно недостаточна и должна быть усилена посредством издания специальной периодической информации, которая позволяла бы более широко охватывать вопросы, не стесняясь подчас, может быть, и несколько сухим, узко специальным характером статей, чего, конечно, не может помешать официальный «Е. С. Ю.», имеющий свое назначение.

Письменная связь с Оргбюро НКЮ грозит в дальнейшем излишним расширением переписки по справкам, запросам о разъяснениях и т. п., при чем, без сомнения, будут наблюдаться случаи однохарактерных, даже одних и тех же (возможно, разновременных) запросов от многих корреспондентов, что в свою очередь вызовет ненужную работу в Оргбюро. Предотвратить это возможно лишь путем устройства област-

ных или районных (как будет скорее и дешевле) совещаний работников мест с участием Оргбюро НКЮ. Эти совещания должны из практики и опыта мест почерпнуть и в основном (в принципах) разработать план и методы проведения рационализации отделений, стоящих в ближайшей очереди потребностей работы. Систему выездов представителей Оргбюро на места допускать исключительно в случаях вызова с мест и при периодических плановых обследованиях.

Оргбюро необходимо попутно с проведением реформы развернуть возможно усиленную работу по составлению и распространению на местах справочников и указателей литературы по НОТ, так как наблюдающееся сейчас пассивное, а местами и враждебно-недоверчивое, отношение к мероприятиям Оргбюро объясняется исключительно неосведомленностью и непониманием на местах основных принципов НОТ'а. Рекомендуемые руководства и пособия не должны быть фундаментальными, преследующими цели исчерпывающей разработки вопроса, но сжатыми, понятными, не стесняющими у работников свободы анализа и инициативы.

Аппаратом по проведению мероприятий по НОТ'у на местах должны явиться ответственные особые подотчетные Оргбюро НКЮ ячейки, обособленные от эконокомиссий. Последним может быть отведено место вспомогательных органов этой ячейки, но ни в коем случае не организация, проведение и руководство работой по применению НОТ. Экономическая комиссия имеет свои специальные функции, и слияние их с административно-организующими функциями ячейки НОТ'а преждевременно.

Карточная система делопроизводства введена недавно, и этот недолгий опыт работы препятствует сделать всесторонний и глубокий анализ системы и дать ей надлежащую оценку. Все же следует отметить, что к системе сотрудники относятся очень сочувственно и ожидают от нее вполне благоприятных результатов. Оценивая по достоинству успехи системы в отношении экономии времени, удобства пользования карточками, четкости и дисциплинированности отдельных действий, следует упомянуть о некоторых, хотя и незначительных, но все же достаточно чувствительных, дефектах.

Прежде всего обращает на себя внимание многочисленность нарядов и их номенклатура. Необходимо сократить число нарядов и уточнить отношения между «корреспондентским, предметным и родовым» признаками, чтобы избежать путаницы в определении места бумаг и облегчить их отыскание. Равным образом, необходимо устранить излишний параллелизм одновременного ведения нарядов с одинаковыми бумагами в нескольких отделах, т. к. для этой цели может служить общий наряд по всему учреждению.

Номенклатура нарядов нуждается в точной расшивке, и в некоторых случаях наряды должны быть раздроблены (подроблены), в некоторых же, в особенности по родовому признаку, возможно допустить более широкое обобщение.

Должно быть улучшено качество бумаги для карточек, чтобы бумага не протекала и на последних не расплывались чернила и карточки не изнашивались быстро. Размер карточек достаточен, но в карте № 2 следует увеличить графу «содер-

*) Печатаемая статья представляет собою докладную записку автора, ст. секретаря Новгородского губ. суда, в пленум последнего.

жание бумаг». Настольные (по делам) карточки, в особенности по уголовному отделу, непригодны для нужд статотчетности и вынуждают сотрудников делать многочисленные выборки на оборотной стороне для целей статистических. Это же значительно увеличивает работу и усложняет ее.

В дальнейшем Оргбюро необходимо разработать вопрос о статотчетности, при чем желательно было бы в этих целях использовать самый простой и удобный прием условности по цвету, обозначив цветом карточки (синий, зеленый, красный и пр.) те признаки, по каким строится отчетность.

Попутно следует отметить чрезвычайную перегрузку сотрудников составлением разного рода систематических сведений по требованию НКЮ, прокурора и местных органов.

Карточная система не позволяет (да и не должна позволять) загораживать карточки теми сведениями, какие иной раз совершенно неожиданно требуются губсудом. В таких случаях сотрудники принуждены обращаться за выборками в подлинники производства, непроизводительно затрачивая время и отрываясь от прямой работы.

Желательно было бы иметь определенную устойчивую форму отчетности, согласованную и с требованиями научной статистики и с требованиями практической работы, возложив (если потребуется) детализацию статотчетности на специальных лиц.

Наблюдение за составлением описей бумаг, находящихся в деле, приводит к заключению, что эта большая, кропотливая работа все же ни теперь, ни раньше не достигала своей цели, составляя лишь простую формальность, по традиции удержавшуюся в канцелярии с незапамятных времен. Опись в том виде, как она ведется, не может служить ни контрольным, ни тем более справочным целям и к ней не обращаются. Составлять ее подробно не представляется возможным, т. к. это заняло бы слишком много времени, и нередко работа эта явилась бы бесполезной.

Поэтому вопрос о составлении описей следует разрешить в ближайшее же время и заменить опись или скрепой листов дела условным шифром и подписью проверявшего, оставив нумерацию листов, прошивку и опечатание бумаг в удостоверение полноты и законченности дела, или же ограничить опись лишь теми листами дела и документами, которые упомянуты в обвинительном заключении и в протоколах судебного следствия, отбросив записи многочисленных бумаг несущественных, а чаще всего ненужных для дела. В отношении же гражданских дел опись должна быть сохранена лишь для подлинных документов.

Возбужденный Псковским губсудом перед Оргбюро НКЮ вопрос о приобщении бумаг кассинстанции к подлинному производству надо признать своевременным. Помимо сокращения и упрощения работы во 2-й инстанции, этим достигается удобство при пользовании делом в случаях дальнейшего его разбирательства. Кроме этого, соединение производства облегчает работу как по сдаче дел в один архив, так и по архивным справкам.

Кодификационную работу следует по возможности скорее перевести на карточную систему, устранив практикующиеся книжные алфавиты, указатели и проч.

Отмечая общее улучшение работы канцелярии в связи с карточной системой и теми упрощениями, какие она вносит, следует в дальнейшем более подробно разработать соответствующие руководства, т. к. высланные в судебные учреждения брошюры далеко не разрешают всех возникающих при применении картсистемы технических трудностей.

С введением карточной системы желательно было бы увязать вопросы о специализации отдельных видов работ и провести опыт механизирования. Для этого возможно расчленив отдельные этапы работы, рассчитать последовательность их ход (движение) и точно распределить исполнение по особому контрольному листу, где бы увязанные между собой последующий и предыдущий этапы находили свое отражение в отдельных отрывных частях контрольного листа. Этим способом дело доходило бы к этапу окончания вполне проверенным и завершенным, отрывные же части контрольного листа могли быть использованы в соответствующих статистических и справочных целях. Форма контрольного листа вытекает из расчлененной по этапам движения настольной карточки и др. сведений, какие потребуются дополнительно.

Соболев.

г. Новгород.

О некоторых «дефектах» карточной системы делопроизводства в органах НКЮ.

(По поводу статьи т. Соболева).

Хотя «карточная система» введена недавно и этот небольшой опыт работы препятствует сделать всесторонний и глубокий анализ системы и дать ей надлежащую оценку, в распоряжении Оргбюро имеется уже большое количество данных, указывающих, что достижения имеются и достижения чрезвычайно чувствительные.

Если достижения могут служить для Оргбюро прекрасным стимулом к дальнейшей работе, то указания на недостатки мероприятий особенно ценны, так как они не только побуждают к совершенствованию системы, но и дают необходимый для этого материал.

Вот почему напечатанной выше статье т. Соболева, вообще весьма ценной, должно быть уделено сугубое внимание.

Я не буду останавливаться на тех мероприятиях, которые намечает в своей статье т. Соболев, равно как и на методах («технике») проведения этих мероприятий, не буду останавливаться потому, что в этом я вполне и целиком согласен (да и едва ли можно не согласиться) с автором; думаю, что в ближайшее время высказанные т. Соболевым соображения найдут свой отклик и мы получим возможность иметь на этот счет мнение и других местных работников.

Карточная система делопроизводства в органах НКЮ уже введена и мы имеем ряд определенных указаний на то, что она не только вполне усвоена местными работниками, но и встретила с их стороны самое сочувственное отношение.

Мы оставляем без внимания те безусловно единичные случаи «пассивного, а местами и враждебно-недоверчивого отношения, к мероприятиям Оргбюро», о которых упоминает автор и которые могут быть объяснимы (в этом можно не обвиняя согласиться с т. Соболевым) «исключительно несведомленностью и непониманием основных принципов НОТа».

Как и всякая глубокая и существенная реорганизация, проведенная НКРК и Оргбюро работа не могла не иметь «некоторых» не только «незначительных», но и «достаточно чувствительных дефектов».

На отдельные такие «дефекты» указывает в своей статье (и в этом не меньшая ее ценность, чем во всей остальной части) т. Соболев.

Если бы часть из указанных дефектов системы не представляла собою просто «недоуменные вопросы» (я отнюдь не склонен взвалить вину за «недоумение» на автора), мимо них можно было бы молча пройти, приняв их как ценный материал при переработке «Руководств», но поскольку «некоторые дефекты» могут быть устранены простым разъяснением, на них необходимо остановиться.

Рассмотрим эти дефекты в том порядке, в котором их предлагает вниманию читателей автор статьи.

«Прежде всего о многочисленности нарядов и их номенклатуре» (в данном случае, как и всюду в дальнейшем, автор имеет в виду изданное НКЮ «Краткое руководство по карточной системе делопроизводства и основные правила писмоводства в краевых, областных и губернских судах»).

Я не согласен с т. Соболевым относительно «многочисленности нарядов», так как номенклатурный список составлен на основании фактически существовавшего и существующего архива целого ряда различного масштаба главных, краевых и губернских судов, явившихся пионерами в карточной системе и служивших для Оргбюро «опытными станциями».

Но даже если согласиться с автором, то необходимо иметь в виду, что «Руководство» не выдвигает категорического требования и необходимости заведения всех перечисленных в «номенклатурном списке» нарядов; наоборот, им предлагается заводить наряды по мере надобности (§ 52) и ни в коем случае не предварительно (§ 53).

Недостаточность уточненности «отношения между корреспондентским, предметным и родовым признаками» является действительно «дефектом», но дефектом не системы, а «Руководства» (в этом нельзя не признаться).

В свое время в «Информационном бюллетене № 2» (см. «Е. О. Ю.» № 7, стр. 211) Оргбюро было дано разъяснение, направленное к устранению упоминаемого дефекта, но так как этот вопрос до сих пор еще вызывает иногда «недоразумения», на нем необходимо остановиться еще раз.

Основным признаком для заведения нарядов в органах суда, следствия и прокуратуры (в последней в особенности) является вопрос (или предмет, объект) переписки, но если

судья. Вторая задача заключается в теоретической подготовке нарзаседателей к работе в суде. Для этой цели по районам будут организованы особые бюро по пропаганде советского права. Они будут знакомить с азбукой советского права. Третья задача—это постановка на фабриках и заводах отчетов нарзаседателей по проделанной ими в суде работе. Кроме того, при гражданском отделе будет организован кружок для переработки основных вопросов права с нарзаседателями губсуда.

После оживленных прений собранием была принята резолюция, намечающая следующие мероприятия: 1) еженедельные собрания очередных нарзаседателей для разъяснения им их прав и обязанностей; 2) подготовка дел к слушанию в таком виде, чтобы они или разрешались в одно заседание или откладывались на срок не более 7—10 дней, так, чтобы дело могло быть проведено с одним составом нарзаседателей; во всяком случае, по каждому делу должны вызываться одни и те же заседатели; 3) судьи должны знакомить нарзаседателей с содержанием дела до выхода в судебное заседание; 4) нарзаседатели должны принимать активное участие как в исследовании дела на судебном заседании, так и в совещательной комнате; 5) при отложении вынесения решения по ст. 177 ГПК должен точно указываться день и час объявления решения, к каковому сроку заседатели обязаны явиться для подписания и оглашения решения; 6) нарзаседатели должны пройти сокращенный курс гражданского права и процесса путем занятий 1 раз в 2 недели в течение 2-х часов в продолжение 3-х месяцев для каждой группы нарзаседателей; 7) каждый заседатель обязан прикрепиться к одному из кружков правовой пропаганды, функционирующих в клубах фабрично-заводских предприятий и учреждений своего района; 8) о своей работе каждый нарзаседатель должен отчитаться перед своими избирателями.

В. Л.

Проект закона о бюджетных правах СССР и союзных республик.

НКФин разработал проект закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик. Главнейшие особенности проекта, отличающие его от ныне действующего закона, заключаются в следующем.

По проекту увеличивается объем доходной части бюджета союзных республик. За ними закрепляются отчисления в размере 90% от налогов сельскохозяйственного, промыслового и подоходного, и затем сверх тех доходов, которые им были предоставлены прежним законом, им предоставляются еще следующие доходы: а) все доходы от пошлин разного назначения, хотя бы они администрировались общественными органами (кроме таможенных), б) 50% дохода от прибыли по управляемым им предприятиям, в) все доходы от недр, г) все доходы от реализации госфондов, кроме валютных фондов и фонда государственных драгоценностей, д) 50% доходов от концессий общественного значения. Кроме того, устанавливаются отчисления от гербового сбора на сбалансирование бюджетов дефицитных союзных республик, размер которых определяется ежегодно каждой из дефицитных республик в отдельности.

Упраздняется деление доходов и расходов в бюджете на обыкновенные и чрезвычайные; все же расходы, которые до сих пор производились как чрезвычайные, подразделяются на расходы безвозвратные и ссудные. Безвозвратные расходы должны быть включены в сметы соответствующих ведомств, ссудные расходы будут производиться за счет общего вводимого в общесоюзный бюджет фонда «ссуд на финансирование народного хозяйства», за исключением ссуд на землеустройство, переселение и расселение, которые должны подлежать включению в сметы наркомземов.

Устанавливается правило о том, что в тех бюджетах союзных республик, которые представлены в СНК СССР в сбалансированном виде без дефицита, Совнарком СССР не производит никаких изменений и лишь дает по ним в ЦИК общее заключение. Этим положением будет закреплено за республиками право самостоятельно строить свой бюджет в пределах своих ресурсов.

Вводится, что в случае полной невозможности бездефицитного сведения бюджета республики верховные органы ее не позднее чем за 4 месяца до начала бюджетного года вводят с соответствующим представлением в верховные органы Союза, которые в месячный срок определяют максимальный размер суммы, которая может быть отпущена на покрытие дефицита. При таком порядке республики будут иметь возможность заранее знать цифру, в которую должен уложиться бюджет, и представлять его в сбалансированном виде.

Проект устанавливает государственный денежный резерв Союза ССР, который будет образовываться из свободных остатков сумм, учтенных по бюджетам как общесоюзному, так и республиканским. Этот фонд будет находиться в распоряжении верховных органов Союза и может обращаться на расходы лишь по постановлениям этих органов.

Проект положения о местных финансах.

В соответствии с положением о местных финансах, утвержденным 2 сессией ЦИК Союза ССР 3 созыва, Наркомфином разработан проект положения о местных финансах РСФСР.

В проекте отражены все основные положения союзного акта, при чем многие из них развиты и уточнены применительно к условиям местной жизни и местных финансов РСФСР. Проектом разрешается ряд вопросов, регламентация которых по союзному акту отнесена к компетенции союзных республик. Помимо вопросов об учреждениях, ведающих местными финансами, проектом разрешаются отнесенные к компетенции союзных республик вопросы местного налогового обложения, финансирования местных бюджетов из общегосударственных средств, дифференциации и порядка составления, утверждения и исполнения местных бюджетов.

Проект уточняет функции местных органов власти районированного края (области) в смысле соответствия их с объемом хозяйственных функций этих органов и т. д.

НКФ РСФСР проектирует следующие изменения в перечне расходов, возложенных союзным актом на местные советы. Губ. (обл.) земуправления остаются полностью на государственном бюджете. Содержание же уездных и окружных земуправлений сохраняется полностью на местном бюджете; местному бюджету передается и содержание санитарных врачей.

Перечень расходов по народному образованию дополнен фактически содержимыми в настоящее время по местному бюджету средними профтехническими учебными заведениями, не вошедшими в список принятых на государственный бюджет, опытно-показательными школами местного значения, а также проводимыми по местному бюджету предупредительными мерами против роста безпризорности. Кроме того, в проект введена статья, предоставляющая право местным советам при наличии средств относить на местный бюджет расходы, связанные с удовлетворением нужд местного хозяйства, хотя бы эти расходы и не были предусмотрены перечнем.

В результате проектируемых изменений в объеме расходной части местного бюджета в пользу местного бюджета получается экономия в сумме до 1.850 тыс. руб., передаваемых государственному бюджету.

Передача Центрархиву негативов фото- и кино-снимков, имеющих историко-революционный интерес.

Центрархивом РСФСР издана инструкция по применению постановления Совнаркома РСФСР от 4 февраля 1926 г. о передаче Центрархиву РСФСР негативов фотоснимков и кино-фильм, имеющих историко-революционный интерес («О. У.» 1926 г. № 7, ст. 47).

Инструкция дает определение имеющих историко-революционный интерес фотоснимков и кино-фильм: к ним относятся фото- и кино-негативы, запечатлевшие действительные события и деятелей общественно-политической жизни (в смысле борьбы народа за власть, революционного быта и советского строительства во всех его отраслях).

Декрет СНК РСФСР от 4/II—26 г. распространяется на все учреждения и предприятия, занимающиеся производством и эксплуатацией негативов или являющиеся держателями последних. Фото- и кино-учреждения и предприятия обязуются вести книги учета всех производимых ими фото- и кино-негативов.

Началом течения 5-летнего срока, установленного в ст. 1 декрета от 4/II—26 г., считается день утверждения Главреперткомом монтажного листа, в случае же невозможности установления указанной даты—1 января того года, в течение которого негатив был изготовлен. Для фото-негативов началом течения того же срока считается 1 января того года, когда негативы были изготовлены.

Учреждения и предприятия в случае отчуждения ими фото- и кино-негативов и заменяющих их позитивов обязаны в трехдневный срок письменно уведомить о том соответствующий орган Центрархива с указанием того учреждения или предприятия, которому негативы отчуждены. Учреждения и предприятия не имеют права отчуждать фото- и кино-негативы и заменяющие их позитивы частным лицам без

предварительного просмотра предназначенных к отчуждению негативов (позитивов) экспертной комиссией Центрархива. Учреждения и предприятия обязуются извещать в письменной форме подлежащие органы Центрархива о всякой перемене мест постоянного хранения принадлежащих им фото- и кино-негативов и заменяющих их позитивов не позднее трех дней со дня такой перемены, с точным указанием нового места хранения.

Просмотр фото- и кино-негативов и заменяющих их позитивов для отбора негативов и позитивов, подлежащих сдаче Центрархиву, производится экспертной комиссией Центрархива. Отобранные экспертной комиссией Центрархива негативы и позитивы немедленно берутся на учет Центрархива.

Фото- и кино-негативы и заменяющие их позитивы считаются включенными в состав государственного архивного фонда с момента взятия их на учет экспертной комиссией Центрархива.

Учреждения и предприятия обязуются хранить взятые Центрархивом на учет фото- и кино-негативы с относящимися к последним монтажными листами, а также позитивы, заменяющие негативы, впрямь до распоряжения соответствующего органа Центрархива о сдаче ему указанных материалов, которое должно последовать не позднее 6 месяцев со дня истечения срока, указанного в ст. 1 декрета от 4/II—1926 г.

Упаковка, перевозка и доставка негативов, включенных в состав государственного архивного фонда, в подлежащие архивохранилища Центрархива производится учреждениями и предприятиями за свой счет и своими средствами.

Подлежащие органы власти сообщают Центрархиву о всех случаях недопущения ими к производству, эксплуатации или опубликованию фото- и кино-негативов и позитивов (см. ст. 4 декрета СНК РСФСР от 4/II—26 г.) не позднее 7-ми дней со дня вынесения о том постановления.

Учреждения и предприятия обязуются уведомлять в письменной форме подлежащие органы Центрархива о всех случаях недопущения к производству, эксплуатации или опубликованию принадлежащих им фото- и кино-негативов и позитивов не позднее 3-х дней со дня получения о том постановления органа власти.

Государственным учреждениям и предприятиям, сдавшим негативы и заменяющие их позитивы в Центрархив, а также частным лицам, имеющим авторское право на сданные Центрархиву негативы, предоставляется возможность производства позитивов и контратипов со сданных ими негативов (позитивов) в течение срока действия авторского права.

Распространение ст. 160 Код. законов о труде только на фабзавместкомы.

Статья 160 Кодекса законов о труде устанавливает, что увольнение члена местного комитета может быть произведено лишь с согласия соответствующего профессионального союза. На запросы с мест о том, распространяется ли эта статья и на работников вышестоящих профорганизаций, НКТ сообщил местам, что гарантии, установленные этой статьей, распространяются только на членов месткомов и заменяющих их профуполномоченных; цеховые уполномоченные не могут быть уволены без согласия фабзавместкома. Но на выборных работников вышестоящих профорганов эта статья не распространяется.

ВЦСПС согласился с этой точкой зрения НКТ.

Функции РКК в концессионных предприятиях.

Органы НКТ при регистрации колдоговоров союзов с концессионными предприятиями наталкиваются нередко на случаи сужения некоторых функций РКК на этих предприятиях. Так в договоре ЦК связи с Северным телеграфным обществом из компетенции РКК изъято установление форм испытаний и проб для отдельных работ и профессий. Подобные же мелкие изъятия имеют место и в других договорах. ВЦСПС по этому поводу сообщил НКТ, что он решительно возражает против такого сужения функций РКК. Однако, против регистрации колдоговоров ЦК связи с телеграфным обществом ВЦСПС не возражает, так как для предприятий связи допущены изъятия из общего положения о РКК.

Договорный порядок установления твердых окладов.

ЦК и многие местные органы союза совторгслужащих вводят договорный порядок установления зарплаты в твердых должностных окладах. По мнению некоторых органов, такой порядок недопустим, так как он будто бы нарушает соответствующие директивы ВЦСПС. Однако, ВЦСПС не усмотрел здесь никакого противоречия со своими директивами.

ВЦСПС признал, что введение твердых окладов в договорном порядке вносит большой порядок в существующие формы оплаты труда госслужащих и создает предпосылку для успешного проведения госнормирования. В связи с этим ВЦСПС обратился в НКТ с просьбой указать губотделам труда на необходимость беспрепятственной регистрации таких договоров с учреждениями, состоящими на государственном и местном бюджете.

Разбор разногласий по правилам внутреннего распорядка.

ВЦСПС сообщил союзным организациям, что разногласия, возникающие между сторонами при рассмотрении правил внутреннего распорядка могут передаваться в третейский суд, поскольку правила внутреннего распорядка издаются в дополнение к отдельным пунктам колдоговора и вытекают из него же.

Порядок удовлетворения обеспеченных залогом требований кредитных учреждений.

В связи с изданием декрета ЦИК и СНК СССР от 11 декабря 1925 г. о порядке удовлетворения обеспеченных залогом требований кредитных учреждений («С. У.» 25 г. № 84, ст. 630) правление Госбанка циркуляром № 70 от 3/II—26 г. («В. Ф.» 26 г. № 42/224) предложило своим местным учреждениям во исполнение первого пункта указанного декрета во всех случаях обращения взыскания по зарплате и алиментам на имущество, заложенное в банке, требовать от взыскателей представления надписей судебных исполнителей на исполнительных листах, подтверждающих, что прочее имущество должника оказалось недостаточным для покрытия претензий по зарплате и алиментам.

В случаях же обращения взыскания претензий по соцстраху и акцизам на заложенное имущество удостоверение о недостаточности или отсутствии другого имущества должно быть представлено самими взыскателями (органом соцстраха или НКФ).

При принятии в залог имущества, облагаемого акцизным сбором, во время нахождения его в месте производства, на базисном складе или в таможене следует предварительно перед оформлением залоговой операции требовать представления удостоверения финоргана об акцизе, причитающемся с этого имущества к моменту залога, и сумму акциза учитывать при определении ценности имущества. При соблюдении этого порядка взыскание по акцизу будет удовлетворяться выручкой от продажи заложенного имущества, превышающей выданную ссуду, т. е. без ущерба для интересов банка. При выдаче таких ссуд необходимо, однако, иметь в виду и учитывать то обстоятельство, что реализация товара, несмотря на залоговое право Госбанка при известных обстоятельствах (истечение срока и пр.) может быть назначена распоряжением финоргана и им произведена, а потому в удостоверении финоргана должно быть указано, что продажа товара на покрытие акциза не будет назначена без ведома Госбанка.

Сделки, освобождаемые от регистрации.

Совет съездов биржевой торговли сообщил, что освобождение сделок от регистрации, установленное постановлением СТО от 24/II—26 г. может иметь место на основании одного из двух признаков: по существу сделок и по объекту. К числу первых относятся сделки сельской первичной потребительской кооперации и низовой промышленной и сельско-хозяйственной кооперации. В этом случае льгота установлена исключительно в пользу этих низовых кооперативных организаций. Таким образом, если заключена сделка, в которой одной стороной является одна из указанных кооперативных организаций, а другой—одно из обязанных к регистрации своих сделок учреждений, предприятий или лиц (ст. 1 пост. СТО) сделка подлежит регистрации этой другой стороной. В этом смысле инструкция от 19/IV—26 г. дает совершенно определенные указания (§ 2 и 8).

Изменение порядка регистрации торговых книг.

Постановлением СТО от 24 марта с. г. ст. 2 инструкции от 28 декабря 1923 г. о регистрации торговых книг изменена следующим образом:

«Регистрация торговых книг возлагается на губернские, окружные и соответствующие им отделы внутренней торговли. Губернским, окружным и соответствующим им исполнитель-

ным комитетам предоставляется право по представлению губернских, окружных и соответствующих им отделов внутренней торговли особыми постановлениями возлагать регистрацию торговых книг на уездные и соответствующие им либо районные исполнительные комитеты в тех случаях, когда это представляется технически более удобным, вследствие отдаленности предприятий, обязанных регистрировать свои торговые книги, от губернских, окружных и соответствующих им центров».

Льготы в обложении литературного заработка.

НКФин разъяснил (раз. № 0413754/203 от 11 мая 26 г.), что с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 26 марта с. г. об изменении положения о государственном подоходном налоге, постановление НКФ СССР от 29 августа 1925 г. за

№ 115/0433449 о льготах литераторам следует признать отменным, так как, с одной стороны, круг его применения новым законом ограничен исключительно рабочими и служащими, а с другой стороны, содержание его значительно расширено распространением предусмотренной им льготы на целый ряд других источников дохода. При применении же названного постановления НКФ СССР к делам по обложению за время до 1 апреля следует исходить из того соображения, что это постановление имело в виду предоставление налоговых льгот в отношении всякого литературного гонорара, кроме заработной платы, не только ученым (профессорам и т. п.), издающим научные труды, и литераторам, издающим научно-художественные произведения, но всем вообще лицам, получающим доход от опубликования научных и литературных работ. Поэтому постановление это применяется и к лицам, не состоящим на службе в органах печати, но занимающимся на условиях оплаты их труда литературным гонораром.

НА МЕСТАХ.

ИТОГИ РАБОТЫ КРАЕВОЙ ПРОКУРАТУРЫ СЕВ. КАВКАЗА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЖАЛОБ.

Жалобы, поступающие в прокуратуру, несомненно, являются одним из наиболее действительных факторов осуществления работы ее по общему надзору. Давая непосредственную возможность выявления случаев нарушения революционной законности, устранения этих нарушений и принятия мер к воздействию на нарушителей, жалобы при соответствующем учете их и результатов производимых в связи с ними исследований также могут служить богатым материалом для исследования повторяемости незаконных или определенных преступных действий в данной местности или в стенах того или иного учреждения или предприятия.

Поскольку жалобы являются одним из опорных пунктов работы прокуратуры по общему надзору, постольку интересы этой работы требуют: 1) поступления возможно большего количества жалоб трудящихся: прокуратура должна принимать все зависящие от нее меры к облегчению рабочим и крестьянам принесения жалоб на незаконные действия должностных и частных лиц; 2) увеличения числа крестьянских жалоб в связи с проведением в жизнь лозунга «лицом к деревне»; 3) быстроты расследования по жалобам, как орудия скорейшего устранения нарушений или принятия мер социальной защиты против нарушителей, с одной стороны, и как путь к поднятию популярности прокуратуры — с другой, которая, несомненно, усилит приток жалоб в прокуратуру; 4) внимательнейшего отношения к избранной наиболее целесообразного способа направления жалоб, к правильности и полноте расследования и к принятию решений по расследованным жалобам.

Исходя из этого, небезинтересно будет остановиться на работе краевой прокуратуры Сев. Кавказа по расследованию поступающих к ней жалоб.

Общее число поступивших и рассмотренных за 1925 г. жалоб¹⁾: за 1-е полугодие—14.263, за 2-е полугодие—17.401, всего—31.669. Процент жалоб, оставленных без последствий: в 1-м полугодии—13,5%, во 2-м полугодии—10,9%. Процент жалоб, поступающих в участковые прокуратуры за те же сроки равен 29% и 32%.

Из общего количества жалоб в управление краевой прокуратуры поступила 1741 (в первом полугодии—469, во втором—1272) жалоба. Остальные 29.928 жалоб поступили в окр. и обл. прокуратуры, в том числе и участковые, входящие в их состав.

Какие же слои населения прибегают к нашему содействию? На первом плане стоят крестьяне, жалобы которых составляют 48% общего числа жалоб; за ними следуют советские служащие (15%); затем идут советские учреждения и предприятия (11%); на четвертом месте стоят рабочие (10%); нетрудовой элемент (9%); и, наконец, осталась невыявленной классовой принадлежности подателей в 7%.

Какие явления служат предметом жалоб, поступивших в упр. краевой прокуратуры (точных сведений от окр. и обл.

прокуратур в этой области в нашем распоряжении не имеется)?

Жалобы на незакономерную муниципализацию строений—55%; по земельным делам—11,5%; на неправильные действия должностных лиц—8,5%; по жилищным вопросам—6,5%; на неправильное обложение налогами—2,5%; по вопросам соцстраха и соц. обеспечения—2%; на неправильное выселение, как б. помещиков—2%; на неправильное лишение избирательных прав—1,5%; на неправильное наложение административных взысканий—1%; по разным другим вопросам—10%.

Как явление положительное, надо отметить рост количества жалоб, поступивших в органы прокурорского надзора края. Увеличение это достигло в общем во втором полугодии 1925 г. по сравнению с первым полугодием—22%. По отдельным прокуратурам оно гораздо значительнее. Напр., число жалоб, поступивших в упр. краевой прокуратуры во втором полугодии минувшего года, возросло по сравнению с первым полугодием почти в три раза; в Ставропольском округе оно возросло в два с половиной раза, в Сальском — почти в три раза.

Из того, что рост жалоб представляет явление общее всем прокуратурам, за самым незначительным исключением (2—3 прокуратуры), можно сделать совершенно определенный вывод о росте популярности прокуратуры в глазах населения.

Еще более оградным фактом следует признать увеличение числа крестьянских жалоб за счет жалоб других слоев населения. Как видно из нашей таблицы, крестьянские жалобы составляют наибольший % по отношению к жалобам других классов.

По отдельным прокуратурам рост числа крестьянских жалоб еще нагляднее. В прокуратуру Карачаево-Черкесской авт. области в течение второго полугодия минувшего года поступило 609 жалоб крестьян против 496, поступивших в первом полугодии, в Терскую окр. прокуратуру—1269 против 1000, в Кабардино-Балкарскую обл. прокуратуру—543 против 416; даже во Владикавказской, чисто городской прокуратуре количество крестьянских жалоб возросло с 86 до 144.

Из нашей таблицы видно, что возросло и количество жалоб, поступающих непосредственно в участковые прокуратуры.

Это явление мы всецело приветствуем. Основной ячейкой прокурорского надзора, несомненно, является участковая прокуратура, роль которой в связи с передвижкой работы прокуратуры по общему надзору преимущественно на деревню приобретает особое важное значение. Наши стремления должны быть направлены к тому, чтобы все жалобы местного населения на все 100% поступали в участковую прокуратуру, а отнюдь не в окружные и еще менее того в краевую или центральную прокуратуры. Подача жалоб в участковую прокуратуру—наиболее нормальный и наиболее быстрый путь поступления и разрешения жалоб.

Исследуя вопрос о несомненной тенденции граждан обращаться с жалобами в центральную или краевую прокуратуру, не принимая никаких мер к защите своих нарушенных прав на месте, приходим к выводу, что жалобщиками руководит отнюдь не недоверие к правильному разрешению

¹⁾ Сведения даются по 15 окр. (обл.) прокуратурам из общего количества 20.

их жалобы на месте, а предположение, что жалоба, будучи подана в краевой или республиканский центр, вызовет немедленное и непосредственное разрешение ее, во-первых, и, во-вторых, желание провести расследование жалобы в срочном порядке толкает жалобщика обратиться непосредственно в краевой или даже республиканский центр.

В результате жалобщик теряет время, он разочарован, ибо, в конце концов, жалоба его поступает к тому же участковому прокурору, к которому она, не совершая путешествия в Москву или Ростов, поступила бы значительно раньше.

А вот дачу руководящих указаний при направлении в нижестоящую прокуратуру жалоб на распоряжение мы признаем весьма желательным, и порядок этот все шире начинает практиковаться в краевой прокуратуре.

К числу положительных явлений надо отнести и уменьшение количества жалоб, оставляемых без последствий, что говорит не только о росте сознательности населения и укрепления революционной законности, но и о том, что расследование жалоб прокуратурой ведется, несомненно, с большей тщательностью.

Теперь об отрицательных сторонах нашей работы по расследованию жалоб. К ним прежде всего нужно отнести все еще неизжитую медленность расследования. Вопрос о борьбе с этой медленностью и устранении причин ее—вопрос очень сложный. Ведь быстрота расследования жалоб почти всецело зависит от удовлетворительности работы и от мощности аппарата органов следствия и дознания, а если следить за окончательным разрешением жалобы, то и судебных органов, земельных комиссий и т. д. Быстрота эта зависит в немалой степени и от количественного и качественного состава канцелярского аппарата самих прокуратур, направляющих жалобы на расследование и разрешение других органов, обязанных следить за своевременностью этих расследований и разрешения и принимать ряд мер к устранению длительности и волокиты. Как показало исследование этого вопроса, медленность производства по жалобам как раз и нужно отнести к работе этих разнообразных органов, ибо в прокуратурах жалобы более недели, как общее правило, не задерживаются, получая то или иное направление.

Из всех мер, принимаемых прокуратурами против медленности, мы знаем только о напоминаниях. И это, конечно, необходимо, но исключительно этой мерой ограничиваться нельзя. В каждом отдельном случае медленности и тем более явной волокиты необходимо выявлять виновных, и, если виновность их будет очевидной, бороться с этой волокитой мерами дисциплинарного воздействия. Необходимо в каждом отдельном случае обращать внимание вышестоящего органа на проявленную подчиненным ему органом медленность и требовать применения общих мер к устранению таких случаев медленности.

Надо также усвоить более вдумчивый подход к каждой отдельной жалобе, ввести точный учет посылаемых для расследования жалоб, учет календарный (как это установлено в отделе надзора краевой прокуратуры, где ведется особый дневник, в который регулярно вносятся сроки, назначенные для поступления исполнения по жалобам), упростить самую систему разрешения жалоб, отказавшись от казенного порядка направления всех их без исключения на «расследование» или на «рассмотрение», лишь бы только разгрузить от них свою канцелярию.

Возьмем для примера хотя бы жалобы на неправильную муниципализацию строений. Все они должны направляться в соответствующую комиссию по муниципализациям и демунципализациям и обсуждаться с непременным участием прокурора, который обычно всюду состоит членом этой комиссии. Только в том случае, если имеющиеся в комиссии материалы в отношении обжалуемой муниципализации окажутся недостаточными, недостающие сведения должны быть собраны путем расследования, при чем должны быть конкретно указаны те вопросы, выяснение которых существенно

необходимо для разрешения вопросов о закономерности муниципализации.

Ряд жалоб может быть с успехом быстро разрешен президиумами РИК'ов, окрисполкомов и облисполкомов (автоб. областей). Такие жалобы не следует направлять в канцелярию этих органов, а брать с собой на заседания и вносить на обсуждение последних. Этот порядок не должен вызывать каких-либо осложнений, ибо в конце заседаний президиумов исполкомов обычно уделяется известное время для обсуждения вновь вносимых вопросов. В протоколах они фиксируются под рубрикой «по вопросу». В таком же порядке можно было бы вносить и протесты, приносимые на основании поданных жалоб, что сократило бы до минимума срок их рассмотрения. Во всяком случае, по этому вопросу можно было бы договориться с исполкомами.

То же можно сказать в отношении жалоб на неправильное обложение, подлежащих рассмотрению налоговых комиссий.

Прокуратура должна набирать наиболее быстрый и целесообразный способ разрешения каждой отдельной жалобы, раз навсегда отказавшись от трафаретного подхода к жалобам вообще в пользу подхода индивидуального.

Поручая расследование органам дознания, прокуратура должна, как общее правило, указать те вопросы, на которые должно быть при расследовании обращено особое внимание, и добиваться того, чтобы расследование закончено было в течение месячного срока.

Поручение расследования наследователям по жалобам на действия, не подлежащие их ведению, следует признать недопустимым. Еще более недопустимо поручать расследование тому органу, на действия которого подана жалоба.

Далее мы должны отметить недостаточность наблюдения со стороны окр. и обл. прокуратур за фактическим устранением обжалуемых неправильностей. Получив, примерно, копию постановления президиума РИК'а о сложении с жалобщика штрафа или копию постановления крайисполкома о демунципализации дома и возвращения его б. владельцу, или копию решения райземкомиссии, удовлетворяющего требования жалобщика о возвращении ему спорного земельного участка, прокурор объявляет об этом жалобщику и успокаивается. А через известный промежуток времени жалобщик является лично или обращается письменно в краевую прокуратуру с просьбой о понуждении местных властей к исполнению одного из указанных постановлений или решений, ибо с него продолжают требовать уплаты штрафа, грозя описью имущества, а то и описывая его, так как РИК и не думает возвращать ему демунципализированный дом, считая постановление крайисполкома о демунципализации «неправильным», или бывает так, что исполнительный лист земельной комиссии лежит где-то в куче бумаг в сельсовете, а ответчик засекает спорную землю, принадлежащую истцу, да посмеивается.

Прокурор, доведя расследование до отмены обжалуемого действия, до предания виновных суду и т. д., не должен считать свои функции по данной жалобе исчерпанными до тех пор, пока не убедится в том, что обжалуемое действие действительно отменено и жалобщик получил полное удовлетворение, или до тех пор, пока он не установит, что дело рассмотрено судом, не ознакомится с приговором суда и не признает его соответствующим требованиям закона.

Нужно решительно отказаться от бессистемного отношения к жалобам и ввести учет и расследование их в строго планомерные рамки.

Краевая прокуратура уже приступила к детальному изучению поступивших к ней в 1925 г. жалоб, включила в программу своей работы в этой области также и исследование быстроты продвижения жалоб. Та же задача стоит перед окр. и обл. прокуратурами. Задача эта неотложна, и краевая прокуратура примет меры к ближайшему ее осуществлению.

Гор. Ростов и Дону.

Б. Бабичев.

== БИБЛИОГРАФИЯ. ==

М. Жемчужникова. «Права и обязанности инспекции труда в СССР (с приложением краткого очерка инспекции труда за рубежом)». Под редакцией и с предисловием А. М. Стопани. Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. М. 1925. Стр. 37, цена 35 коп.

Благодаря целому ряду обстоятельств, в числе которых немалую роль сыграла и популярная литература, материальное трудовое право, — по крайней мере, в своих основных чертах, — достаточно известно в самых широких массах рабочих и служащих. Но, что касается вопросов организации, компетенции и порядка работ различных органов, ведающих регулированием труда и трудовых отношений, и вопросов порядка прохождения через эти органы, то в этой области нередко наблюдается полная неосведомленность. Рабочий или служащий зачастую не знает, «куда идти и кому жаловаться». В результате тот или иной трудовой спор, то или иное осложнение в области трудовых отношений в процессе своего разбора и разрешения нередко крайне запутываются. Такая неосведомленность, в частности, наблюдается и по отношению к инспекции труда. А отсюда возникает необходимость, помимо прочих способов популяризации, издания соответствующей литературы.

Рассматриваемая работа М. Жемчужниковой, рассчитанная «на широкого потребителя популярной юридической литературы» (предисловие редактора, стр. 3), как раз и ставит своей «главной практической задачей» — дать широкой читательской публике представление о функциях и правах инспекторов, о том, в каких случаях и по каким вопросам к ним можно обращаться, и что может инспектор в том или другом случае сделать и чем помочь (там же).

Как преследующая цели популяризации, брошюра в общем вполне удачно разрешает отмеченную редактором задачу. Познакомив в первой главе (стр. 13—20) с вопросами организационного характера, она во второй главе достаточно полно обрисовывает компетенцию инспекции и порядок и характер ее деятельности. В отдельных случаях, быть может, даже излишне подробно. Так раздел «Обследование предприятий» (стр. 20 и сл.) имеет значение не столько для широкой читательской массы, сколько для самих инспекторов труда, давая подробную схему обследования предприятия. То же самое можно сказать и о разделах «Дача предписаний об устранении нарушенных недостатков» (25—26), «Производство инспекторами труда дознаний по труд. делам» (29—32).

Но, думается, это обстоятельство нельзя считать недостатком работы М. Жемчужниковой. Наоборот, при недостаточной еще квалифицированности инспекции труда книжка может оказать помощь и самим инспекторам в их работе.

С другой стороны, с точки зрения отмеченных выше задач брошюры, представлялось бы целесообразным расширить некоторые ее части. Таковы, напр., раздел о поддержании гражданских исков трудящихся (стр. 33), о конфликтной работе инспекции (25—30).

Некоторые сомнения вызывают в отдельных случаях классификация и терминология автора. Так, к задачам инспекции М. Жемчужникова относит: наблюдение над исполнением закона, контроль допускаемых отступлений от закона и защиту трудящихся (13—14). Но «защита трудящихся» (к которой автор относит, очевидно, лишь конфликтную работу инспекторов) охватывает собою и два первых подразделения. Вместе с тем вряд ли можно под рубрику «контроля отступлений от закона» относить функции инспекции по разрешению сверхурочных работ, найма малолетних и т. п. (стр. 28), ибо нормы ст.ст. 104 и 135 прим. Код. зак. о труде сами по себе суть не что иное, как законы. Правильнее, конечно, было бы говорить о том, что для применения некоторых законов необходимо предварительное разрешение инспекции труда.

В общем, полагаем, книжка своего читателя найдет и окажется полезной. Цена несколько высока.

Ив. Троицкий.

Н. О. Берновский, М. М. Гродзинский, В. А. Буховский. Практическое пособие по уголовному процессу (задачи и разъяснения к ним). Юридик. Издат. НКЮ УССР. Харьков, 25 г. Стр. 220, ц. 1 руб. 75 коп.

Рецензируемый сборник задач по уголовному процессу выгодно отличается от других подобного рода сборников тем, что все без исключения приведенные в нем задачи снабжены достаточно подробными разъяснениями. Это качество сборника делает его особенно полезным для тех работников-практиков, которым приходится работать над предметом без чьего-либо руководства и которые поэтому лишены возможности проверки правильности разрешения ими казусов при работе с другими сборниками. Сборник достаточно солиден по количеству задач

(212), достаточно полон в смысле охвата ими всех положительно разделов Кодекса и, несомненно, достаточно хорош по качеству задач. Правда, составителей можно упрекнуть в несколько неравномерном и к тому же, по нашему мнению, не совсем правильном в этой неравномерности распределении материала, так как, напр., при наличии в сборнике 30 задач по главе первой мы имеем всего по 4 задачи по таким главам, как семнадцатая (окончание предварительного следствия), двадцатая (действия суда по прекращению дела и преданию суду), 8 задач по кассационному производству. Полно вместе с этим охвачена глава двадцать вторая (о судебном заседании), которой отведено 24 задачи и подробная проработка которой, конечно, полезна для всякого работника-практика. Говоря о качестве задач, отдельные из них можно не признавать безусловно нужными для данного сборника, поскольку они представляют собой даже не задачи, а простые вопросы, находящие к тому же прямое разрешение в тех или иных статьях Кодекса (напр., задачи под №№ 4, 68, 183, 193), но зато многим нельзя отказать в признании исключительно полезными как потому, что ими затрагиваются вопросы, могущие сплестись и рядом встречаться и вызывать затруднения при разрешении на практике (напр., задачи под №№ 125, 127, 135, 137, 152), так и потому, что в разъяснениях к ним использована практика Верховного Суда (Украины).

Разъяснения к задачам изложены вполне приемлемым языком, без лишнего отвлечения в сторону теории и с использованием, кроме практики Верховсуда, и ведомственных разъяснений и циркуляров. По существу против некоторых разъяснений можно, конечно, спорить (напр., задачи под №№ 74, 126), но составители, не претендуя на непогрешимость разъяснений, оговорились в предисловии о том, что в разъяснениях нашли отражение личные взгляды каждого из них. Некоторые разъяснения нам кажутся страдающими излишним формализмом. Мы не можем, напр., согласиться с категорическим утверждением составителя задачи под № 173, что приговор должен быть безусловно отменен, если он по делу, непосредственно поступившему в нарсуд, вынесен с участием судьи, который вызывал к себе в порядке ст. 260 (256 УПК РСФСР) обвиняемого и вместо разъяснения последнему сущности обвинения задавал вопрос о признании им своей виновности. В задачах под №№ 13 и 15 (разных составителей) в вопросе о том, кто может быть гражданским истцом, мы констатируем наличие противоречия, которое даже при указанной выше оговорке в предисловии недопустимо в сборнике.

Если составители имели в виду дать возможность пользоваться сборником и работникам РСФСР, то для этого они далеко не сделали всего, что нужно было сделать, ибо приведения в отдельных разъяснениях практики Верховсуда и циркуляров НКЮ РСФСР, конечно, недостаточно. Больше того, они показали недостаточную осведомленность в нашем законодательстве, допустив благодаря этому серьезные ошибки в разъяснениях. Ими, напр., совершенно упущено принятое ВЦИК'ом еще 16 октября 1924 г. коренное изменение взаимоотношений между органами дознания, следствия и прокуратуры и, напр., разъяснение к задаче под № 115 содержит изложение правила ст. 99 в редакции 22 года. Не знают они, повидному, также о принятом тогда же изменении порядка применения условно-досрочного освобождения и потому приводят в задаче под № 207 в качестве действующего циркуляр НКЮ и ВС от 31/III—24 г. о воспрепятствии распреедкомиссиям возбуждать повторные ходатайства об освобождении до истечения 6 месяцев со дня первого отказа в этом суда. Дальше, вопреки вполне ясного указания ст. 10 о том, что дела по ст. 153 УК относятся к делам частного обвинения, составитель задачи под № 3 утверждает, что эти дела «по уголовно-процессуальным законам РСФСР являются делами публичного порядка, возбуждаемыми независимо от воли потерпевшего лица». Разъяснение к задаче под № 55 вопрос об обязательности участия защиты при наличии представителя гражданского истца разрешает отрицательно, в противоречии с практикой Верховсуда РСФСР (определение УКС 24 г. по делу Венедиктова); разъяснение к задаче (вопрос) под № 183 о возможности обжалования судебного приказа в кассационном порядке дает на вопрос также отрицательный ответ, прямо противоречащий положению ст. 370 нашего УПК.

Учитывая эти последние недочеты сборника и делая по ним вывод, что составители не предназначали сборника для работников-практиков РСФСР, мы и не можем рекомендовать его последним в качестве именно «практического пособия».

Для работников же УССР сборник должен представлять, несомненно, полезное пособие.

А. Иодковский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры НКЮ: №№ 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102.—Список председателей, зампредов и членов губ. и облсудов, утвержденных НКЮ на 1926 г.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 94.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О принятии и руководству «Соглашения между СССР и Германией о поселении и об общеправовой защите».

Предлагая принять к руководству вступившее в силу 11 марта 1926 г. «Соглашение СССР с Германией о поселении и общеправовой защите» («С. З.» № 28, ст. 181), НКЮ обращает особое внимание на ст.ст. 10—15 (текст прилагается) этого соглашения.

Установленные ст.ст. 10, 12 и 15 права германских граждан являются правами, принадлежащими всем вообще иностранным гражданам, живущим в СССР, независимо от соглашений СССР с соответствующими государствами, поскольку, по общему правилу, все иностранцы в СССР пользуются теми же правами, что и граждане СССР.

Тем не менее в силу специальной оговорки в протоколе подписания указанного соглашения НКЮ подтверждает необходимость строгого соблюдения всеми органами юстиции положений, изложенных в означенных выше статьях.

Ст. 13 соглашения касается лишь тех случаев взыскания судебных издержек, когда лицо, с которого подлежат взысканию эти издержки, находится вне страны, суд которой вынес решение об этом взыскании.

Поэтому взыскание судебных издержек должно производиться дипломатическим путем лишь в случаях, когда германский гражданин, присужденный к уплате этих издержек, находится в Германии или когда гражданин СССР, присужденный к уплате судебных издержек германским судом, находится в СССР.

Во всех остальных случаях взыскание судебных издержек производится в общем порядке, установленном процессуальными законами.

Судебные органы РСФСР принимают к своему производству поручения о взыскании судебных издержек лишь при наличии удостоверений подлежащего органа Германии о соблюдении требований п.п. 1 и 2 ст. 14, а равно требуемых п. 3 той же статьи переводов.

Если же решение об уплате судебных издержек германским гражданином, живущим в Германии, выносится советским судом, последний должен направить исполнительный лист с надписью о вступлении решения в законную силу в НКЮ, который с соответствующим удостоверением направит его в НКВД.

Народный Комиссар Юстиции

и Прокурор Республики Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

25 мая 1926 г.

Приложение к циркуляру
№ 94—1926 года.

ВЫПИСКА

из договора между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. (ст.ст. 10—15 соглашения о поселении и общеправовой защите).

Статья 10.

Граждане каждой из Договаривающихся Сторон пользуются на территории другой Стороны в соответствии с нормами международного права в отношении их личности и их имущества судебной или административной защитой в той же мере, как собственные граждане или граждане наиболее благоприятствуемой нации.

Для осуществления и защиты своих прав они имеют на территории другой стороны свободный доступ в суды и в другие органы, служащие для правовой защиты, и пользуются в этом отношении всеми правами и изъятиями, предоставленными собственным гражданам. Они, как и эти последние, должны иметь право выбирать по собственному усмотрению своих адвокатов и других юридических советников из числа лиц, допущенных по законам страны к осуществлению этой профессии.

При осуществлении указанных в абзаце 2 прав граждане каждой из Договаривающихся Сторон не должны трактоваться менее благоприятно, чем граждане наиболее благоприятствуемой нации.

Статья 11.

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется принять меры к тому, чтобы консул другой Стороны ставился в кратчайший срок в известность о каждом случае задержания в его служебном округе гражданина представляемой им Стороны.

Соответственным образом следует поступать и при перемещении места заключения.

Статья 12.

Никакого обеспечения или залога, под каким бы то ни было наименованием, не может быть потребовано от граждан одной из Договаривающихся Сторон, выступающих перед судами другой Договаривающейся Стороны в качестве истцов или третьих лиц, на том основании, что они иностранцы, либо в силу неимения ими места жительства или пребывания внутри страны, при условии, что они имеют место жительства на территории той или другой Стороны.

То же правило применяется к предварительной уплате сумм, которые потребовались бы для покрытия судебных издержек.

Статья 13.

Если на территории одной Договаривающейся Стороны истец или третье лицо, освобожденные на основании ст. 12, либо на основании действующих в стране предъявления иска законов от представления обеспечения, залога, либо от предварительной уплаты, будут присуждены к уплате судебных издержек, то это решение по заявлению, направленному дипломатическим путем, должно со стороны надлежащих властей другой Стороны безвозмездно объявляться подлежащим исполнению.

То же правило применяется к судебным решениям, по которым размер судебных издержек устанавливается впоследствии.

Статья 14.

Упомянутые в статье 13 решения о судебных издержках объявляются подлежащими исполнению без заслушания сторон, согласно законов страны, где исполнение имеет место, но не в ущерб праву сторон, присужденных к уплате издержек, предъявлять впоследствии обратные требования.

Власть, компетентная выносить определения по ходатайствам об объявлении решений подлежащими исполнению, должна ограничиваться проверкой того:

1) отвечает ли по закону страны, где состоялось присуждение издержек, решение в отношении порядка его составления условиям, требуемым для признания за ним доказательной силы;

2) вступило ли, по тому же закону, решение в силу;

3) сопровождается ли распорядительная часть решения переводом, который впредь до иного соглашения составляется на языке упомянутой власти и удостоверяется дипломатическим представителем или консулом ходатайствующей Стороны или присяжным переводчиком Стороны, к которой направляется просьба.

Для выполнения требования пунктов 1 и 2 абзаца 2 достаточно заявления подлежащей власти ходатайствующей Стороны о том, что решение вступило в законную силу. Компетентность власти удостоверяется высшей судебной властью. Заявления и удостоверения должны быть переведены в соответствии с пунктом 3 абзаца 2. Впредь до иного между обоими правительствами соглашения ходатайства будут всегда сопровождаться указанным в предложении 1 заявлением.

Статья 15.

В отношении льгот, которыми несостоятельные стороны пользуются при ведении судебных процессов (право бедности), граждане одной Стороны на территории другой уравниваются с собственными гражданами.

Циркуляр № 95.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О применении «Соглашения о наследствах между СССР и Германией».

При применении соглашения о наследствах между СССР и Германией («С. З.» 1926 г. № 28, ст. 181) НКЮ предлагает руководствоваться следующими указаниями:

1. В отношении оставшегося в пределах СССР после умершего германского гражданина имущества, заключающегося в строениях (всякого рода) или праве застройки, на судья принимает меры, руководствуясь правилами главы двадцать первой ГПК, поскольку последние не противоречат требованиям, установленным соглашением.

2. В отношении остального наследственного имущества меры охраны принимаются подлежащим германским консулом с соблюдением правил, установленных соглашением. Однако, в тех случаях, когда консул не заявит желания принять участие в охранительных действиях, на судью может назначить хранителя и делать распоряжения, предусмотренные ст. 195 ГПК, впредь до того, как консул заявит желание взять эти функции на себя (§ 4 соглашения).

3. При применении § 3 соглашения необходимо иметь в виду ст. 431 ГК, которая устанавливает, что вызов наследников через публикацию и иными способами не производится. Никаких изъятий из этого правила для наследств, оставшихся в СССР после германских граждан, соглашением не установлено.

4. При разрешении вопросов о выдаче наследственного имущества наследникам в случаях, указанных в § 10 соглашения, надлежит иметь в виду, что право на наследование в отношении любого оставшегося после умершего германского гражданина имущества, за исключением строений и права застройки, определяется согласно германских законов, причем указанные наследственные права могут быть удостоверены документом (свидетельством, выданным подлежащим германским учреждением и засвидетельствованным затем германским консулом или дипломатическим представителем (§ 15 соглашения)).

5. Распоряжения на случай смерти (завещания), составленные германскими гражданами, имеют силу как в тех случаях, когда они составлены по советским законам, так и в тех случаях, когда они составлены по законам германским и притом независимо, в пределах ли Германии или СССР (у германского консула).

6. Все споры о наследственных правах в отношении имущества, оставшихся после германских граждан, кроме строений и прав застройки, разрешаются исключительно германскими судами. Что же касается споров и претензий в отношении наследственного имущества, вытекающих из других оснований, то иски по такого рода делам могут предъявляться в советских судебных учреждениях на общих основаниях.

7. В случаях, когда необходимо обратиться с взысканием на наследственное имущество, находящееся в распоряжении консула, или наложить арест на это имущество (§ 8 и § 9 соглашения), суд сносится с консулом через подлежащий губсуд (облсуд, крайсуд). При несогласии консула на выдачу имущества или наложении на него ареста подлежащий губсуд доводит об этом до сведения НКЮ (через НКЮ).

8. В виду того, что в силу соглашения консул является законным представителем интересов наследников, никаких требований к германскому консулу о представлении им документов, удостоверяющих их полномочия в этом отношении по делам о наследствах, оставшихся после германских граждан, предъявляться не должно.

9. Правила, устанавливаемые соглашением в отношении «дүшеприказчиков» (§ 15), в пределах РСФСР надлежит считать относящимися к исполнителям завещания (ст. 427 ГК).

Народный Комиссар Юстиции
и Прокурор Республики Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

25 мая 1926 г.

Циркуляр № 96.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам.

Об оплате гербовым сбором заключений прокурора по жалобам, подаваемым в порядке 254 ст. ГПК.

В дополнение к циркуляру № 259 от 31 декабря 1925 г. предлагаю впредь при выдаче жалобщикам копий установленных пунктом 5 означенного циркуляра мотивированных заключений прокурорского надзора требовать оплаты их гербовым сбором в размере одного рубля.

Во избежание волокиты и задержки в выдаче копий таких заключений необходимо широко оповестить местное население о том, чтобы при подаче жалоб в порядке ст. 254 ГПК таковые лицами и учреждениями, не освобожденными от гербового сбора, оплачивались в размере 2 рублей: один рубль на оплату гербовым сбором самой жалобы и один рубль на оплату ответа.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора
Республики Крыленко.

26 мая 1926 г.

Циркуляр № 97.

Край, обл. губпрокурорам и судам.

О недопустимости применения ст. 4-а УПК к делам о нарушении этикетных цен.

В практике нарсудов, органов дознания и следствия имели место случаи прекращения по ст. 4-а УПК и направления на прекращение дел о нарушении установленных этикетных цен и накидок на промтовары (ст. 141 УК), вследствие маловажности преступления.

Считая, что такого рода нарушения, хотя и встречаются в большинстве случаев в мелкой торговле и являются в каждом отдельном случае незначительными, но принимая во внимание, что массовое их распространение вредно отражается на проведении в жизнь государственных мероприятий по удовлетворению населения товарами по нормальным ценам, Народный Комиссариат Юстиции признает недопустимым применение ст. 4-а УПК по вышеуказанным делам.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора
Республики Крыленко.

26 мая 1926 г.

НКЮ № 98.

Циркуляр НКВД № 196.

Всем край., обл. и губ. прокурорам, край., обл. и губ. адмтделам.

Копия НКЮ и НКВД авт. респ.

О мерах к недопущению наложения ареста на имущество, обозначенное в ст.ст. 271 ГПК и 38 УК.

Прокуратура Республики и Народный Комиссариат Внутренних Дел располагают данными, свидетельствующими о том, что в ряде мест органы милиции (преимущественно волостные) при приведении в исполнение приговоров, решений и административных постановлений в части конфискации имущества, взыскания штрафа и пр., а также при выполнении поручений судебно-следственных органов о наложении ареста на имущество в целях обеспечения могущего быть предъявленным в дальнейшем гражданского иска или принятия мер против сокрытия обвиняемыми имущества (когда последние привлечены к ответственности по ст.ст. Угол. Кодекса, предусматривающим конфискацию имущества), допускают неправильные действия, которые, помимо того, что они находятся в противоречии с действующим законодательством, лишают граждан (главным образом, крестьян) возможности распоряжаться на протяжении того или иного периода по своему усмотрению, в зависимости от потребностей данного хозяйства, принадлежащим им имуществом. Неправильности эти сводятся к тому, что органы милиции, смешивая два совершенно различных и не совпадающих понятия: «арест на имущество» и «опись имущества» при выполнении вышеупомянутых действий, обыкновенно производят опись всего принадлежащего данному гражданину

имущества с отобранием у последнего подписки об отсутствии у него права под страхом уголовной ответственности распоряжаться этим имуществом впредь до снятия описи.

Этот порядок описи всего имущества равносложен наложению ареста на все имущество, что находится в противоречии со ст.ст. 271 ГПК и 38 УК; при чем указанное явление имеет место даже в тех случаях, когда подлежащий взысканию в принудительном порядке штраф и пр. определяется весьма незначительными суммами (в несколько рублей).

В целях устранения означенных ненормальностей, предлагается:

1. Преподать низовым органам милиции и уездным (окружным, районным) прокурорам необходимые по сему вопросу разъяснения в соответствии с вышеотмеченными указаниями.

2. Впредь иметь строгое наблюдение за выполнением правил ст.ст. 271 ГПК и 38 УК, в частности, за недопущением наложения ареста на имущество, стоимость которого значительно превышает подлежащую взысканию сумму штрафа и пр.

3. При обследовании низовых органов милиции особое внимание обращать на инструктаж соответствующих работников по указанному вопросу.

4. В установленном порядке вменить в обязанность следователям и нарсудам, чтобы они при даче органам милиции поручений о наложении ареста на имущество обязательно в каждом отдельном случае делали ссылку на ст. 271 ГПК и 38 УК с разъяснением недопустимости наложения ареста на имущество, обозначенное в указанных статьях.

5. Допускать опись (а не арест) имущества лишь в том случае, когда оно является имуществом состоящего в соответствии с законом граждан, дабы подлежащие органы при разрешении того или иного дела имели в своем распоряжении документальные данные, облегчающие возможность более полного соблюдения классовой линии при вынесении приговоров и пр.

6. О принятых Вами в исполнение настоящего циркуляра мерах сообщить по принадлежности в Отдел Прокуратуры НКЮ и ЦАУ НКВД.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора
Республики Крыленко.

Народный Комиссар Внутренних дел Белобородов.

27 мая 1926 г.

Циркуляр № 99.

Всем край., обл. и губ. судам.

О применении главы 27-а ГПК.

Постановлением ВЦИК и СНК от 10 мая 1926 г. («Изв. ЦИК СССР и ВЦИК» от 22 мая, № 116) принято дополнение ГПК главой 27-а «О производстве по восстановлению прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство)».

Статья 234-а этой главы устанавливает, что правила главы 27-а могут применяться исключительно в отношении тех видов документов, на которые порядок вызывного производства распространен специальными законами.

До настоящего времени такое узаконение издано лишь в отношении книжек трудовых сберегательных касс на предъявителя (ст. 37 пол. о гос. труд. сбер. кассах—«С. З.» 1925 г. № 81, ст. 613).

В виду этого применение правил главы 27-а ГПК к каким-либо иным документам, поскольку в дальнейшем специальными постановлениями закона на них не будет распространено действие правил вызывного производства, безусловно недопустимо.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

28 мая 1926 г.

Циркуляр № 100.

Всем областным и губерньским прокурорам.

Копия прокурорам автономных республик.

О сопровождении направляемых в Прокуратуру Республики жалоб и ходатайств заключениями прокуроров.

Циркуляром Прокуратуры Республики № 114 от 6 июня 1925 г. («Е. С. Ю.» 1925 г. № 23) предложено губ. и обл. прокурорам направляемые на имя Прокурора Республики заявле-

ния и ходатайства граждан сопровождать исчерпывающим заключением по существу.

Указанный циркуляр на местах исполняется недостаточно тщательно. Часто заявления граждан направляются без всякого заключения прокурора, а в тех случаях, когда к заявлению прилагается заключение, последнее составляется совершенно неудовлетворительно. Очень часто в заявлениях граждан приводятся указания на различные допущенные следователем или судом нарушения: прокурор же в своем заключении кратко указывает, что жалоба не заслуживает уважения, а потому подлежит оставлению без последствий, иногда прибавляя к этому анализ соответствующих статей УК или УПК. В результате многие заключения прокуроров ни в коей мере не освещают затронутых жалобником вопросов, и Прокуратура Республики лишена возможности на основании этих заключений сделать какой-либо вывод по существу дела.

Поэтому предлагается все направляемые прокурорам в Прокуратуру Республики жалобы и ходатайства сопровождать заключениями, в которых обязательно должны содержаться конкретные замечания и фактические справки относительно всех затронутых в жалобах вопросов.

Ст. Помощник Прокурора Республики Крыленко.

28 мая 1926 г.

Циркуляр № 101.

Всем обл. и губ. прокурорам и судам.

Копия НКЮ авт. республик.

О квалификации получения состоящими на советской и общественной службе медротниками вознаграждения от частных лиц за оказание медицинской помощи.

Довольно распространенным бытовым явлением, особенно в деревнях, является получение врачами и другими медротниками незначительного вознаграждения от частных лиц, по большей части продуктами, за оказание медицинской помощи. На местах указанные действия квалифицируются как получение взятки, и имели место случаи привлечения лиц медротников по 114 ст. УК.

Считая совершенно недопустимым получение в какой бы то ни было форме вознаграждения от частных лиц за оказание медицинской помощи при обращении их в советские и общественные лечебные учреждения, НКЮ разъясняет, что получение вознаграждения за оказание медицинской помощи во внеслужебное время врачами и другими медротниками, состоящими на советской и общественной службе, если такое получение не сопровождалось вымогательством и угрозой в отказе оказания медицинской помощи, не имело места во время эпидемий или большого распространения той или иной болезни, борьба с которой являлась ударной в данный момент, не может считаться уголовно-наказуемым деянием, предусмотренным ст. 114 УК, но подлежит рассмотрению в дисциплинарном порядке применительно ко ст. 105 ст. УК соответствующими административными органами.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора
Республики Крыленко.

31 мая 1926 г.

Циркуляр № 102.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

Об освобождении от судебных пошлин и сборов коммунальных трестов.

В виду возникающих на местах вопросов, НКЮ разъясняет, что коммунальные тресты, организуемые согласно декрета СНК от 20 декабря 1924 г. («С. У.» 1925 г. № 2, ст. 14), относятся к числу переведенных на хозяйственный расчет коммунальных предприятий, подпадающих под действие п. «а» ст. 43 ГПК («С. У.» 1925 г. № 10, ст. 75) и в силу этого освобожденных от уплаты судебных пошлин и прочих сборов и расходов по делу.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

1 июня 1926 г.

СПИСОК

председателей, зампредов и членов губернских, областных судов, утвержденных НКЮ на 1926 год.

1. Адыгейский областной суд.

Председатель—Лутцев, Сергей Иванович. Зам. предс.: по угол. отделу—Бжассо, Юсуф Телянцукович; по гражд. отделу—Хуажев, Махмут Карбатырович. Члены облсуда: Куижев, Батырбий Клементьев; Кубатов, Пшекан Кундетович; Кетаов, Бахтытирей Махмудович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 7 от 8/II—26 г.

2. Амурский губернский суд.

Председатель—Шергов, Матвей Исаевич. Зам. предс.: по угол. отделу—Стефановский, Владимир Георгиевич; по гражд. отделу—Вишневский, Михаил Федорович. Члены губсуда: Безлепкин, Федор Иванович; Поляков, Павел Аникиевич; Кудряшев, Павел Иванович; Зеленев, Иван Петрович; Наханович, Савелий Яковлевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 6 от 1/II—26 г.

3. Архангельский губернский суд.

Председатель—Литвинов, Владимир Моисеевич. Зам. предс.: по гражд. отделу—Корельский, Иван Ефимович; по угол. отделу—Эрлих, Яков Ефимович. Члены губсуда: Горшенин, Роман Петрович; Виноградов, Виктор Евгеньевич; Кузнецов, Иван Николаевич; Егоров, Анатолий Евлампиевич; Чулков, Матвей Михайлович; Авдеев, Андрей Григорьевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 12 от 6/III—26 г. и № 16 от 3/IV—26 г.

4. Астраханский губернский суд.

Председатель—Ревин, Петр Петрович. Зам. предс.: по уголовн. отделу вакансия; по гражд. отделу—Бронев, Павел Степанович. Члены губсуда: Антонов, Василий Акимович; Анохин, Василий Андреевич; Макаров, Георгий Александрович; Соловьев, Александр Александрович; Тимофеев, Илья Артемьевич; Пауль, Зинаида Эдуардовна; Калинин, Василий Дмитриевич; Алексеенко, Вениамин Васильевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 5 от 23/I—26 г.

5. Брянский губернский суд.

Председатель—Желудков, Николай Александрович. Зам. предс.: по угол. отделу—Касаткин, Сергей Прохорович; по гражд. отделу—Евтух, Иосиф Львович. Члены губсуда: Киселев, Михаил Герасимович; Молчанов, Борис Александрович; Захаренков, Илья Григорьевич; Боголюбовский, Семен Михайлович; Надоров, Иван Спиридонович; Иванов, Семен Сергеевич; Моисев, Петр Иванович; Дульский, Евгений Михайлович; Мастеров, Константин Иванович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 5 от 23/I—26 г.

6. Владимирский губернский суд.

Председатель—Славин, Илья Венедиктович. Зам. предс.: по угол. отделу—Гусев, Константин Яковлевич; по гражд. отделу—Соболев, Василий Иванович. Члены губсуда: Болотин, Яков Дмитриевич; Дроздов, А-др Денисович; Воронцов, А-др Дмитриевич; Романов, А-др Васильевич; Ларионов, Максим Иванович; Артемьев, Василий Захарович; Благовещенский, Александр Николаевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 14 от 20/III—26 г. и № 19 от 21/IV—26 г.

7. Вологодский губернский суд.

Председатель—Дрыншев, Георгий Дмитриевич. Зам. предс.: по угол. отделу—Смертков, Василий Владимирович; по гражд. отделу—Вронский, Алексей Иванович. Члены губсуда: Вологдин, Даниил Васильевич; Карпеченко, Николай Дмитриевич; Лаврентьев, А-др Алексеевич; Могуций, Агей Гаврилович; Кумин, Александр Иванович; Покровский, Алексей Гаврилович; Игошев, Иван Федорович; Молканов, Иван Павлович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 7 от 8/II—26 г.

8. Вотский областной суд.

Председатель—Иванов, Александр Павлович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Носков, Степан Лукич; по угол. отделу—Матвеев, Афанасий Иванович. Члены облсуда: Иванов, Константин Петрович; Кулябин, Федор Михайлович; Чирков, Дмитрий Петрович; Бабушкин, А-др Иванович; Красноперова, Екатерина Александровна; Михайловский, Евгений Васильевич.

Справка: Распоряжение НКЮ № 4 от 18/I—26 г.

9. Воронежский губернский суд.

Председатель—Поляков, Василий Дмитриевич. Зам. предс.: по угол. отделу—Поляков, Алексей Иванович; по гражд. отделу—Берзин, Ян Андреевич. Члены губсуда: Кузьминых, Сергей Андреевич; Шеглов, Петр Алексеевич; Карпенко, Федор Митрофанович; Колесникова, Анастасия Петровна; Двойченко, А-др Никандрович; Слепушкин, Петр Петрович; Воскресенский, Николай Николаевич; Мирошников, Василий Федорович; Стрельников, Яков Антонович; Дмитриев, Дмитрий Петрович; Востриков, Константин Иванович; Аносов, Алексей Петрович; Аминев, Иван Александрович.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 5 от 23/I—26 г. и № 20 27/IV—26 г.

10. Вятский губернский суд.

Председатель—Волков, Иосиф Григорьевич. Зам. предс.: по угол. отделу—вакансия; по гражд. отделу—Павлов, Григорий Павлович. Члены губсуда: Иванов, Сергей Васильевич; Булгаков, Михаил Петрович; Гейн, Герман Эдуардович; Лесников, А-др Александрович; Евдокимовых, Матвей Павлович; Внатов, Федор Иванович; Пренский, Феофил Маркович; Краев, Игнатий Николаевич; Зорин, Иван Михайлович.

Справка: Распоряжения № 4 от 18/I—26 г. и № 10 от 27/II—26 г.

11. Гомельский губернский суд.

Председатель—Нейман, Август Федорович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Резников, Самуил Михайлович. По уголовному отделу вакансия. Члены губсуда: Егоров-Лесин, Андрей Георгиевич; Лентяков, Иван Николаевич; Гуревич, Яков Григорьевич; Гапоненко, Андрей Михайлович; Васильский, Кудель Абрамович; Малкина, Малка Евсеевна; Федосеевко, Даниил Иванович; Курилин, Козьма Никитич; Тунин, Андреевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 4 от 18/I—26 г.

12. Забайкальский губернский суд.

Председатель—Банк, Саул Аронович. Зам. предс.: по угол. отделу—Аннус, Геннадий Иванович; по гражд. отделу—Муравлев, Николай Афанасьевич. Члены губсуда: Зарудко, Герасим Денисович; Букреев, Михаил Федорович; Нагорнов, Петр Ильич; Прецек, А-др Христ.; Голишевский, Степан Андреевич; Куприянова, А-дра Ильинична.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 10 от 27/II—26 г.

13. Иваново-Вознесенский губернский суд.

Председатель—Никонов, Петр Федорович. Зам. предс.: по угол. отделу—Леженин, Василий Степанович; по гражд. отделу—Черственков, Иван Алексеевич. Члены губсуда: Васильев, Николай Алексеевич; Астахов, Дмитрий Александрович; Павлов, Анатолий Иванович; Колпаков, Иван Васильевич; Шубин, Иван Ефимович; Давыдов, Василий Александрович; Будалов, Иван Степанович.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 12 от 6/III—26 г. и № 9 от 22/II—26 г.

14. Ингушетский областной суд.

Председатель—Албогачиев, Юсуп Тахович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Барсегов, Аркадий Иванович; по угол. отделу—Тутаев, Заурбек Иохирович. Члены облсуда: Гудантов, Бексултан Арапхан; Языхова, Жанетта Ярычевна; Горчханов, Хакан Лорсович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 14 от 20/III—26 г.

15. Иркутский губернский суд.

Председатель—Лежнин, Михаил Петрович. Зам. предс.: по угол. отделу—Барсуков, Роман Георгиевич; по гражд. отделу—Арсенов, Виктор Георгиевич. Члены губсуда: Позан, Юрий Михайлович; Порошин, Григорий Александрович; Мосяков, Павел Николаевич; Темеров, Никита Иванович; Таурэн, Ян Крестович; Георгиевский, Михаил Иванович; Фильмонов, А-др Матвеевич; Залещин, Николай Васильевич; Смирнов, Алексей Автономович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 7 от 8/II—26 г.

16. Кабардино-Балкарский областной суд.

Председатель—Максидов, Кази-Гирей. Зам. предс.: по угол. отделу—Вержбицкий, Ян Густавович; по гражд. отделу—Панов, Николай Александрович. Члены облсуда: Аисов, Жантемир Бекович; Караев, Тусултан Заурбекович; Каракизов, Жидрин Шашкоевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 7 от 8/II—26 г.

17. Калмыцкий областной суд.

Председатель—Башкаев, Санджи Наронович. Зам. предс.: по угол. отделу—Манджиев, Санджи Гаря; по гражд. отделу—Муянов, Мухара Муянович. Члены облсуда: Бадмаев, Яман Бадмаевич; Плюнов, Федор Иванович; Свешников, Дмитрий Михайлович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 81 от 31/XII—25 г.

18. Калужский губернский суд.

Председатель—Орлов, Александр Данилович. Зам. предс.: по угол. отделу—Андреев, Виктор Кузьмич; по гражд. отделу—Плеханов, Иван Зиновьевич. Члены губсуда: Власов, Семен Илларионович; Генкин, Соломон Давыдович; Смирнов, Петр Гаврилович; Малютин, Ал-др Васильевич; Еремеев, Дмитрий Константинович; Иванов, Сергей Сергеевич; Крылов, Иван Максимович; Васильев, Иван Давыдович; Хохлов, Георгий Титович; Киреева, Ал-дра Ивановна.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 12 от 6/III—26 г.

19. Карачаево-Черкесский областной суд.

Председатель—Байкулов, Измаил Хусейнович. Зам. предс.: по угол. отделу—Хаджичиков, Зулкарней Хадискумарович; врид. по гражд. отделу—Крымшамхалов, Борис Михайлович. Члены облсуда: Пастухов, Архип Васильевич; Засыпкина, Юлия Иосифовна; Камбуров, Павел Владимирович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 7 от 8/II—26 г. и № 16 от 3/IV—26 г.

20. Киргизский областной суд.

Председатель—Авербург, Лев Александрович. Зам. предс.: по угол. отделу—Худайбергенов, Таш; по гражд. отделу—Цимдин, Ян Алексеевич. Члены облсуда: Быков, Иван Петрович; Яковлев, Николай Алексеевич; Мамбеталинов, Абдулла; Мансуров, Абдулла-Джан.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 14 от 20/III—26 г.

21. Коми-Зырянский областной суд.

Председатель—Айбабин, А-др Алексеевич. Зам. предс.: по гражд. отделу—Шудов, Степан Андреевич; по угол. отделу—Захаров, Сергей Андреевич. Члены облсуда: Одинова, Елизавета Васильевна; Богословский, Николай Александрович; Тренев, Василий Иванович; Клементьев, Иван Филиппович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 4 от 18/I—26 г.

22. Костромской губернский суд.

Председатель—Фюлетов, Семен Николаевич. Зам. предс.: по угол. отделу—Соколов, Константин Васильевич; по гражд. отделу—Сидоров, Александр Иванович. Члены губсуда: Давыдов, Николай Васильевич; Ростовцев, Иван Георгиевич; Шемякин, Михаил Леонидович; Скворцова, Евдокия Петровна; Андумин, Николай Иванович; Романов, Михаил Сергеевич; Васильев, Сергей Дмитриевич; Юрчук, Борис Кононович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 6 от 1/II—26 г.

23. Курский губернский суд.

Председатель—Сетинсон, Эрнест Карлович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Кичигин, Тимофей Васильевич; по угол.

отделу—Малышев, Павел Алексеевич. Члены губсуда: Шаповаленко, Тимофей Яковлевич; Гайлит, Густав Петрович; Гофрат, Людвиг Христоф.; Криворученко, Иван Денисович; Белев, Федор Фомич; Юшков, Алексей Сергеевич; Рязанцев, Антон Федорович; Коняев, Яков Венедиктович; Зайкин, Илья Парменович; Рыболов, А-др Васильевич; Салищев, Алексей Алексеевич; Силин, Семен Григорьевич; Ильинский, Петр Алексеевич; Маревич-Маревский, Василий Семенович; Сагайдаков, Пантелеймон Яковлевич; Волюнец, Яков Антонович; Петров, Никанор Иванович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 6 от 1/II—26 г.

24. Ленинградский губернский суд.

Председатель—Нахимсон, Федор Михайлович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Озолин, Ян Германович; по угол. отд.—Беляков, Георгий Владимирович. Члены губсуда: Рогаткин, Иван Федорович; Васильева, Евдок. Кирил.; Компалов, Федор Серг.; Лютер, Роберт Генрихович; Дубровский, Виктор Станисл.; Кирзнер, А-др Мих.; Ронкин, Моисей Лазар.; Березовский, Петр Иван.; Яковченко, Никита Иллари.; Деразбашев, Иван Яковл.; Домбровская, Елена Иван.; Тимофеев-Томашевский, Анастол. Вас.; Борисов, Ник. Васил.; Старш, Авг. Адам.; Петров; А-др Серг.; Топоров, Ник. Абрам.; Менделеева, Церта Михайл.; Окуджев, Исаак Лазаревич.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 4 от 18/I—26 г. и № 9 от 22/II—26 г.

25. Марийский областной суд.

Председатель — Викторов, Евстафий Николаевич. Зам. предс.: по угол. отделу—Поляков, Тимофей Поликарп.; по гражд. отделу—Северьянов, Прокофий Северьян. Члены облсуда: Молчадов, Алексей Максимович; Соколов, Тимофей Иванович; Смышляев, Иван Абросимович; Васильев, Николай Потапович; Андреев, Федор Григорьевич; Васильев, Василий Васильевич.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 6 от 1/II—26 г. и № 9 от 22/II—26 г.

26. Мурманский губернский суд.

Председатель — Сироткин, Григорий Васильевич. Зам. предс.: по гражд. отделу—Грабовой, Василий Петрович; по угол. отделу—Пышкин, Иван Яковлевич. Члены губсуда: Камшилов, Яков Алексеевич; Егоров, Алексей Иванович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 12 от 6/III—26 г.

27. Нижегородский губернский суд.

Председатель—Качалов, Михаил Николаевич. Зам. предс.: по гражд. отделу—Кульсов, Иван Федорович; по угол. отделу—Бояркин, Михаил Алексеевич. Члены губсуда: Либерман, Семен Львович; Брауде, Михаил Владимирович; Котылев, Алексей Конст.; Мухин, Василий Иванович; Берзин, Яков Давыдович; Жемчужников, Степан Иванович; Терентьев, А-др Иванович; Марковкин, А-др Михайлович; Логуткин, Иван Александр.; Важенев, Николай Данилович; Дунайский, Николай Андреев.; Барышев, Федор Иванович; Привалов, Афанасий Федоров.; Шнейдер, Фриц Карлович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 10 от 27/II—26 г.

28. Новгородский губернский суд.

Председатель—Вихров, Василий Иванович. Зам. председателя: по угол. отделу—Кошеров, Александр Петрович; по гражд. отделу—Алкснэ, Альфред Петрович; члены губсуда: Воинов, Николай Константинович; Леденов, Николай Андреевич; Штейнберг, Карл Иванович; Жилевич, Надежда Ивановна; Ефимов, Михаил Михайлович; Федоров, Иван Федорович; Амосинский, Павел Николаевич; Езин, Георгий Яковлевич; Барановский, Леонтий Игнатьевич; Селькин, Михаил Иванович.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 5 от 23/I—1926 г. и № 9 от 22/II—1926 г.

29. Ойратский областной суд.

Председатель — Полунин, Иннокентий Петрович. Зам. председ.: по уголовному отделу—Бекин, Алексей Сергеевич; по гражданск. отделу—Андрянов, Дмитрий Григорьевич; член облсуда—Кондрашов, Василий Степанович.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 9 от 22/II—1926 г. и № 19 от 21/IV—1926 г.

30. Орловский губернский суд.

Председатель—Кефалиди, Валентин Владимирович; Зам. предс.: по угол. отделу—Мельников, Алексей Федосеевич; по гражд. отделу—Басов, Максим Никифорович; Члены губсуда: Башаров, Михаил Федорович; Гуляева, Анисья Ивановна; Домбровский, Иван Семенович; Дорохов, Тихон Васильевич; Пахомов, Иван Федорович; Севастьянов, Павел Федорович; Смирнов, Алексей Петрович; Тимохин, Михаил Севастьян.; Чемеров, Иван Васильевич; Щербаков, Тимофей Павлович; Хриплин, Николай Борисович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 14 от 20/III—1926 г.

31. Пензенский губернский суд.

Председатель—Громов, Петр Иванович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Пяттель, Андрей Андреевич; по угол. отделу—Крумль, Адольф Михайлович; члены губсуда: Петухов, Аноллон Федорович; Гостев, Владимир Степанович; Баканов, Иван Яковлевич; Кузьмин, Семен Алексеевич; Вайшев, Иосиф Иванович; Магнатов, Абрахам Давыдович; Боголюбский, Федор Николаевич; Добрышевский, Владимир Никанорович; Рейшах-Рит, Сергей Павлович; Баранцев, Илья Дмитриевич; Кальнинг, Владимир Яковлевич; Москаев, Иван Федорович; Чернов, Порфирий Терентьевич.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 14 от 20/III—1926 г., № 81 от 31/XII—1925 г., № 15 от 26/III—1926 г.

32. Приморский губернский суд.

Председатель—Тогоев, Даниил Николаевич. Зам. предс.: по гражд. отделу—Дубенский, Иван Маркович; по угол. отделу—Унжаков, Сергей Степанович. Члены губсуда: Шевченко, Кельсий Васильевич; Харевич, Викентий Иванович;

Доронтович, Фаддей Александрович; Сурков, Александр Петрович; Тюрно, Антон Георгиевич; Шмаринов, Леонид Иванович; Лабронец, Христофор Самуил.; Очеретный, Иван Григорьевич; Баранов, Василий Михайлович; Ли, Прасковья Павловна; Ивашкин, Михаил Васильевич.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 12 от 6/III—1926 г.

33. Псковский губернский суд.

Председатель—Иост, Альберт Давыдович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Клуцис, Ян Густавович; по угол. отделу—Лухт, Альфонс Яковлевич. Члены губсуда: Бобровский, Владимир Михайлович; Лейман, Гуго Иванович; Нестеров, Федор Петрович; Архинов, Василий Архипович; Дубинин, Иван Никифорович; Бондарев, Андрей Иванович; Якобсон, Мартин Тенисович; Алексеев, Иван Алексеевич; Федотов, Степан Федотович; Васильев, Николай Васильевич; Виденек, Вилис Францевич.

Справка: Распоряжения по НКЮ № 81 от 31/XII—1925 г., № 9 от 22/II—1926 г.

Рязанский губернский суд.

Председатель—Прусанов, Степан Иванович. Зам. предс.: по гражд. отделу—Хромов, Александр Георгиевич; по угол. отделу—Кулешов, Петр Васильевич. Члены губсуда: Соломатин, Георгий Дмитриевич; Смирнов, Владимир Иванович; Сидоров, Дмитрий Михайлович; Муковнин, Георгий Васильевич; Поздняков, Алексей Яковлевич; Коновалов, Петр Иванович; Бакшеев, Сергей Валентинович; Машков, Василий Семенович; Халдеева, Александра Николаевна; Фролов, Дмитрий Дмитриевич; Сеньков, Семен Петрович.

Справка: Распоряжение по НКЮ № 6 от 1/II—1926 г.

О Т Р Е Д А К Ц И И.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
3. Непринятые рукописи обратно не возвращаются.
4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор { Н. Крыленко.
Редакционная Коллегия { Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

Москва. Главлит № 62.667.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехлудный, 9.

18,000 экз.